

Три последних дня

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

Три последних дня

Анна и Сергей Литвиновы

Авантюристка #13

Не ожидала Таня Садовникова такого от мамы! Приехали вместе на респектабельный курорт Карловы Вары, а там родительница окунулась в любовь, как девчонка. С Мирославом Крассом Юлия Николаевна познакомилась еще в молодости, но тогда иностранец загадочно исчез, чтобы эффектно появиться спустя много лет. Ах, как красиво он ухаживал! Увез возлюбленную сначала в морской круиз, а потом на уютный островок в Карибском море. Вот только Таня не поверила в сказочную любовь и попросила отчима, бывшего мужа Юлии Николаевны полковника Ходасевича, проверить Мирослава по своим каналам. Тот узнал: Красс был замешан в дерзких ограблениях музеев, и это далеко не все в его «послужном списке». Что же Мирослав затеял на этот раз и зачем ему понадобилась Танина мама? Боясь узнать об этом из криминальных новостей, Садовникова спешно вылетает на Карибы...

Анна и Сергей Литвиновы

Три последних дня

Москва. Таня Садовникова

Таня любила его – как никого в жизни.

Красив и мужествен, словно античный бог. Образован. Хорошо воспитан. А еще остроумный, заботливый, всегда неожиданный.

Когда Стас пригласил ее на первое свидание, Садовникова не сомневалась: поведет ее в шикарный ресторан – а как иначе?

Однако они оказались в крошечном восточном кафе. По интерьеру ближе к столовке, официанты – мрачные, небрежно одетые джигиты. Ее платье с открытой спиной и высокие каблуки смотрелись здесь совсем неуместно. Но что в убогой кафешке была за еда! Нежнейший, истекающий соком шашлык. А закуски! Тоненькие, будто из кружева, баклажаны с изысканной начинкой. Фантастического вкуса домашний сыр. Вино, рядом с которым меркли любые французские...

– Как ты раскопал это место? – в восхищении вымолвила Татьяна.

А молодой человек серьезно ответил:

– Но тебя ведь дорогим рестораном не удивить.

Отвернулся от неряшливой продавщицы, что навязывала посетителям помятые розы, и лукаво добавил:

– И цветами тоже.

Махнул официантам – и перед Татьяной появилась огромная корзина. А в ней контрабандное грузинское вино, гранаты – каждый весом по килограмму, виноград – размером, больше походивший на сливы.

Давно за ней не ухаживали столь эффектно. И если честно, давно не ухаживали вообще. Вся жизнь вертелась вокруг работы, магазинов, фитнеса, заграничных отпусков, посиделок с подружками, случайных и недолгих романов. Мужчины – настоящего, на всю жизнь! – Садовникова не нашла до сих пор.

С красавцем спецназовцем Александром (познакомились во время последних Таниных приключений на Кубе) тоже не сложилось. Слишком они оказались разные. Тот пусть милый, но вояка до мозга костей. Солдат, не знающий слов

любви. Постоянно по командировкам. К тому же зарабатывал совсем скудно. А развлекаться за Танин счет гордец отказывался. Вот и приходилось проводить вечера в кино или в дешевых кафешках. Однако подобный всегда одинаковый досуг Садовниковой быстро надоел – слава богу, давно не студентка.

– Ты, Танька, к мужикам слишком требовательна, – ставили диагноз подружки. – Подавай тебе обязательно умных, красивых, обеспеченных, спортивных. А ведь не девочка уже – пора планку снижать.

Только мама продолжала убеждать: ты, дочка, красавица и умница. Найдешь еще своего принца. Самого лучшего в мире. Просто подожди немного.

Таня пока не знакомила Стаса с Юлией Николаевной, но не сомневалась: мамуле он понравится. Не очень богат, но горд. Молод, однако не по годам мудр.

Несколько месяцев Садовникова была просто беспечно счастлива. Романтичные вечера, жаркие ночи. Уик-энды – в Санкт-Петербурге, Париже, на загадочном Валааме. Причем платил – хоть за Фонтанку, хоть за Елисейские Поля – всегда Станислав, а когда она предложила в духе времени разделить расходы, спокойно откликнулся:

– Женщина, не надо глупостей.

Хотя зарплата у него – уж Татьяна-то знала прекрасно! – самая обычная, средняя по Москве.

Откуда знала? Потому что работали вместе. Молодой, недавно после института (не какого-нибудь, а университета Лос-Анджелеса) парень пришел в рекламное агентство под ее начало.

Обычно с новичками (Татьяна знала прекрасно!) одна морока. Практической пользы – ноль, зато амбиций море. Но Станислав оказался не чета прочим. Идеи его действительно были свежи, необычны, яркие. Таня сразу начала привлекать молодого специалиста к всеобщим мозговым штурмам. Ну, а однажды задержались вечером в офисе. Вдвоем. Случайное касание, взгляды встретились. И закипел очень быстро – не легкая интрижка, а настоящий роман.

«Красивая пара» – называли их в агентстве. Одна лишь Танина ассистентка укоризненно качала головой. Неустанно капала Садовниковой на мозг: перспективы-то у вашего союза какие? Стасик твой младше, ты ему – шефиня. Да еще, докладывала, мужчина Таниной мечты охотно юниц-стажеров на бизнес-ланчи выводит, когда начальницы в офисе нет.

– Ты думаешь, я к стажерам буду ревновать? – хохотала Татьяна.

И поручала Станиславу все более ответственных, придирчивых, сложных клиентов. А когда агентство пригласили участвовать в фантастическом тендере – кусок пирога ценою во многие миллионы! – конечно же, подключила любимого человека к разработке концепции.

Задача перед ними стояла вывести на рынок новую марку чипсов. Заказчик был готов вложить в ее продвижение огромные деньги – сто миллионов долларов. Но требовал, чтобы товар его в первый же год обогнал «Принглз» и «Лэйз», вместе взятые.

Голову ломали непрерывно в офисе, даже во время сладких вечеров-ночей. Идей неплохих возникла целая череда, но все они, огорчалась Татьяна, всего лишь достойные. А вовсе не гениальные.

И вот Садовникову наконец осенило.

Как многие озарения, эффектнейший ход придумался совершенно неожиданно. Часов в девять вечера после рабочего дня. За рулем, когда она стояла в глухой пробке на пути в фитнес-клуб.

Поддерживать в форме тело – когда у тебя молодой любовник – безусловно, важно. Однако Таня считала, что работа все же важнее. Потому выкинула из головы спортивный зал, наплевала на суровые нововведения в правилах движения – лихо развернулась через двойную сплошную. И помчалась обратно в офис.

Охранник, карауливший вход, удивленно вскинулся:

– Татьяна Валерьевна, вы же сказали, что тренироваться поедете!

- Стасик здесь еще? – бросила она на ходу.

- Д-да... – Страж отчего-то смутился.

А Таня даже лифта ждать не стала. Прыгая через две ступеньки, помчалась на третий этаж, в кабинет подчиненного. Когда уже шла по коридору, услышала: во владениях любовника звонит телефон. Потом только поняла: охранник, добрая душа, проявлял мужскую солидарность.

Однако она бежала к Стасу настолько быстро, что замести следы ее любовник не успел. Застала, словно в плохом анекдоте: он в распахнутой рубашке, брюки тоже расстегнуты. Ну и стажерка – восемнадцатилетняя, наглая. Девица даже не смутилась – поглядывала на Татьяну почти с вызовом.

Тем сумасшедшая любовь и завершилась.

Сцены ревности Таня устраивать не стала.

Заявление об увольнении по собственному желанию, что на следующее утро с покаянным лицом протянул ей Стас, тоже не подписала. Тихо произнесла:

- Успеешь еще уволиться. Сначала – глобальный тендер.

- Таня, я... я просто идиот, – склонил он голову. – Я... Может быть, мы...

- Стас, все потом, – отмахнулась она. – Мне вчера в голову идея пришла. Слушай!

- Танечка... – вновь перебил ее Стас, и лицо его посветлело. – Я думал, ты не захочешь меня видеть.

- Я действительно не хочу тебя видеть, – пожала она плечами. – Но тендер без твоих мозгов нам не взять.

И уже безо всякой романтики в личных отношениях они продолжили сотрудничать.

Работа в тандеме, что удивительно, даже при отсутствии любви ладилась. Очень хорошо дополняли они друг друга – не только, оказывается, в постели, в творческом смысле тоже.

Только вот ехать в Нью-Йорк – представлять концепцию большому боссу, мистеру Крамли – Татьяна отказалась категорически. Станислав отправился в город огромных возможностей один.

* * *

Она наблюдала за тем, как проходит презентация, в режиме онлайн. Выглядел Стас, надо признать, потрясающе. Уверенный в себе, холеный. Безупречно подстрижен, белизна рубашки оттеняется эффектным галстуком. Костюм сидит – будто дорогой портной постарался (хотя покупали его вместе с Таней в довольно заурядном магазине).

Во главе стола восседал большой босс, мистер Крамли. Окружала его многочисленная свита: заместители, исполнители. Настоящий Вавилон – американцы, европейцы, азиаты. Лучшие рекламные умы мира. За панорамными окнами головного офиса сверкала витринами Мэдисон-авеню.

Конкуренция жестокая – за лакомый контракт боролись двадцать филиалов.

В том числе российский офис, представлять который должна была она.

Садовникова забыла, что давно дала себе зарок не хмуриться, беречь лицо от морщин. Сдвинула брови, прикусила губу...

Верная помощница сочувственно прошелестела:

– Танюшка... ох, как бы ты там смотрелась!

– Да уж неплохо бы! – буркнула Татьяна.

Однако за ошибки – особенно в делах любовных – приходится расплачиваться.

* * *

Рекламирывать чипсы сложнее всего. На машине – на любой! – можно ездить, с помощью туши – визуально увеличивать ресницы, пивом – поднять себе настроение. А какой толк от чипсов? Сплошные глутаматы натрия, другие вредные добавки, избыток соли и грандиозное количество калорий. Если уж рискуешь врать об их полезности – нужно делать сие чрезвычайно убедительно.

...Ролик, что представил на высокий суд Станислав, выглядел именно так.

Снят он был в парке. На экране – множество людей с отрешенными лицами пинают деревья. Выполняют свою бессмысленную работу старательно. Не отвлекаются. Пинок, еще пинок. Далее следует крупный план героя – забавного, ослепительно рыжего парня. Тот тоже послушно бьет ногой по дереву. Один раз, другой. Потом вдруг останавливается. Говорит – сам себе:

– А зачем я это делаю? Почему я должен быть, как все?

Он повышает голос:

– Почему я должен, как все, – есть вредные, отвратительные на вкус чипсы?

Прочие актеры начинают оглядываться на него, а парень произносит еще громче:

– Я хочу настоящей еды! Чипсов из натурального картофеля! Богатых витаминами, минералами!!

Все больше и больше народу внимает его речам, а главный герой уже кричит:

– Я хочу есть только качественный продукт, и я его получу! Чипсы «Принлэйз» – лучшее, что изобрел человек!..

Выглядел актер чрезвычайно убедительно (Таня лично руководила кастингом). Массовка тоже не подкачала. Да и прочие составляющие – музыка, свет, звук, костюмы – оказались выше всяких похвал.

Танина помощница, тоже наблюдавшая за презентацией, даже выдохнула:

- Сильно! - И с детской обидой обратилась к Садовниковой: - Но совершенно нечестно. Это ведь все вы придумали! А представляет - Стасик!!

Она с ненавистью посмотрела на экран.

Татьяна тоже не сводила глаз с картинки. Внимательно вглядывалась в лица большого жюри. Ловила ускользящий взор большого босса... Ага. Некоторые (очень немногие) - поняли. Остальные пока пребывают в восхищении.

Дядечка, сидящий справа от мистера Крамли (по виду - первый его заместитель), вкрадчиво спрашивает Станислава:

- Интересное решение. И кто же автор концепции?

- It's me[1 - Я (англ.)], - скромно улыбается молодой человек.

- Ну какая сволочь! - выдыхает ассистентка.

А на устах предателя расцветает победительная улыбка.

Тут в разговор наконец вступает шеф, господин Крамли. Он смотрит прямо Стасу в глаза и сухо произносит:

- Ты, мать твою, историю рекламы в институте изучал?

- Чего он сказал?.. - помощница озадаченно смотрит на Татьяну.

- Кажется, непечатное, - хмыкает Садовникова.

А большой человек повышает голос. Говорит он по-английски - Таня для помощницы с удовольствием переводит:

- Тебя подставили, парень! Если б ты имел хоть толику мозгов - ты бы об этом догадался! Кто ж тебя так, а? Кому ты насолил?..

Лицо Стаса скомкано в недоумении.

Свита мистера Крамли тоже в смущении – люди переглядываются, что-то шепчут друг другу.

А Таня неприкрыто ликует.

Полезно иногда бывает познакомиться с творческим наследием босса. Того самого легендарного мистера Крамли, который в рекламе с семнадцати лет. Начинал в ЮАР, в никому не известной фирме. Пришел туда мальчиком с улицы, без образования, без опыта. Однако осмелился нахально заявить начальникам: «Все, что вы делаете, – полная лажа!»

Те оказались людьми неглупыми. Предложили:

– Сделай лучше.

Тогда – тридцать пять лет тому назад – мистер Крамли и придумал рекламную концепцию. Не для чипсов, правда, для бургеров. Но все прочее полностью совпадает. Парк. Массовка, что бессмысленно пинает деревья. Восставший против бредового занятия главный герой. Его реплики. Даже слоган: «Лучшее, что изобрел человек!»

В ЮАР в начале восьмидесятых прошлого века эта реклама прогремела. Попала на Каннский фестиваль, отхватила приз. Однако ни в Европу, ни в Америку бренд не вышел, потому мировой популярности находка юного тогда мистера Крамли не снискала. Лично ему, правда, помогла сделать стремительную карьеру.

Только Стас ничего о том не знал.

Таня и себе, конечно, жизнь испортила. Пусть сама не участвовала в презентации, творческим директором московского офиса ей после такого фиаско уже не быть. Не уйдешь сама – выгонят.

Ничего. Дело того стоило. А в столице полно рекламных агентств, что будут счастливы заполучить ее в штат. Тем более многие знают, зачем она подставила

звездного мальчика Станислава.

Его карьера теперь уж точно погибла безвозвратно.

А она – выкарабкается.

* * *

Испания. Горы Альпухаррос

Водить автобусы совсем не мечта поэта. Но что остается делать, когда в стране кризис, а жена – как ворона? Чем старше становится, тем чаще требует драгоценные блестящие камушки. А он своей el amor отказать не мог.

Зарплату, правда, платили хорошую. Маршрут красивейший, от горной деревеньки Тревеллез до Капилейры и дальше, в Гранаду. Ущелья, горы, пронзительный воздух, дремлющие по обочинам облака. Дорога опасная (в прошлом году из их сельца четверо на своих машинах разбились насмерть), но он, пусть водил неповоротливый автобус, ни разу в авариях не бывал. Изучил уже на родной дороге каждый поворот, выбоинку, малейший изгиб. Даже – высший шик – при встречных разъездах проезжал точнехонько по краю обочины, ни единого камушка в пропасть не сбрасывал.

В Капилейре, откуда был родом, все разумные люди предпочитали ездить на его автобусе. Пусть не очень быстро, зато всегда надежно и точно по расписанию.

Где-то в больших городах, далеких странах, он знал, на маршрутах водителю помогают кондукторы. У них в горах подобных излишеств нет: на входе – касса, самому приходится принимать деньги, выдавать сдачу и билет. Местные уже знали: водитель любит, когда дают ему под расчет, специально собирали монетки. А с туристами, да, приходилось возиться. Крупные купюры суют, по-испански не понимают. Зато наблюдать за ними интересно.

В последние годы в их скромную Капилейру (560 человек населения!) много народу приезжать стало. Хайкеры, байкеры. Альпинисты ночевали – утром уходили покорять трехтысячник Мулансен, до него от деревни пятнадцать километров на машине, а потом пять часов пешком. В буддийский центр, что

тоже был неподалеку, йоги со всего света зачастили. Как везде, путешествующих пенсионеров полно. Ходят, горным воздухом дышат, вечерами угасают над morcilla[2 - Домашняя колбаса.] да пивом.

А на его автобусе по соседним деревенькам разъезжают. Особенно часто в Тревеллез ездили – местечко не самое уникальное, стандартный набор горных видов. Зато объявили себя ушлые местные жители «столицей хамона». На центральной площади с десятков магазинчиков, и в каждом под потолком – сотни и сотни копченых свиных окороков. Туристы как увидят – визжат восторженно, фотографируются. А самые неразумные в качестве сувенира окорока покупают. Водитель всегда про себя хихикал. Представлял, каково путешественникам будет таскать за собой свиную ногу весь остаток поездки. А потом еще требовать, чтобы вместе с нею пустили в самолет!

Но над туристами он хотя и посмеивался, но относился к ним, кормильцам, доброжелательно. Пусть шумные, зато деньги приносят всей их деревне. Поводы для размышлений дают. Есть что в собственном блоге записать – он, как все современные люди, его вел: «Почему русские всегда жалуются, что на горных дорогах их тошнит – но при этом обязательно пьют в пути пиво?» Или: «В действиях американцев никакой логики – носят футболки с рекламой organic food, но всю дорогу лопают гамбургеры».

А иногда попадались совершенные оригиналы. Как, например, сегодня.

В родной Капилейре в автобус залез один. Мужчина в годах, подтянутый, высокий, внешности европейской. Попросил на хорошем испанском билет до Тревеллеза, протянул два евро. (Водитель отсчитал тридцать восемь центов сдачи.) Испанец? Нет, в речи пусть легчайший, но есть акцент. Англичанин? Вряд ли, очень смугл. Серб, болгарин? Не похоже. Слишком для выходца из Восточной Европы сдержан.

Явно не местный, но на упоительные виды за окном – ноль внимания, хотя обычно народ по салону бегаёт, выгодный ракурс ищет. А у этого, кажется, даже фотоаппарата нет.

Сидит весь в мыслях своих, с кислым видом. Оживился странный путник единственный раз. Когда в Бубийоне, следующей после Капилейры деревеньке, в автобус вошла семейка Санчес, мамаша и дочка. Обе, благо время уже

обеденное, поддатенькие, громкоголосые, одеты, как всегда, в черное, рыжие волосы встрепаны ветром.

– Милок, ты сегодня задержался на целую минуту! – жеманно приветствовала водителя младшенькая.

– Mas rapido, mi querido, llegamos tarde[3 - Быстрее, дорогуша, мы опаздываем!]]! – озабоченно произнесла старшая.

Хотя он им много раз по-соседски советовал: хотите успевать на работу (трудилась обе в Тревеллезе официантками) – выезжайте автобусом на полчаса раньше.

Дамы оплатили проезд, прошли через весь салон, развалились на пятиместном заднем сиденье (мамаша – прямо в сабо, но замечания ей водитель делать не стал: все равно неисправима).

А странный турист обернулся со своего третьего ряда и уставился на женщин.

– O!a! – кокетливо улыбнулась ему старшенькая.

Санчес-младшая (считала себя еще красоткой хоть куда) надменно фыркнула:

– Тебе чего, дедуля?

– Простите, дамы, – покаянно откликнулся мужчина.

Однако продолжал прожигать мамашу с дочкой внимательным взором.

«Чего ему до них?» – задался вопросом водитель.

И вдруг услышал, как путник очень явственно сказал:

– Эврика! Они ведь всегда были на одно лицо! Что тогда – что сейчас. Теперь, правда, обе старухи...

- Кто еще тут старуха? - нахмурилась мамаша.

Странный незнакомец не ответил. Отвернулся от женщин. По лицу бродила счастливая, немного сумасшедшая улыбка.

А водитель подумал: «Все-таки странные у меня на маршруте появляются люди...»

* * *

Карибские острова. Глэдис Хэйл

Ее многие считали странной, но Глэдис на всех плевала. Считала, когда бедный чудит, его называют глупцом. А богатых вроде нее именуют законодателями моды. Причуды же - если их, конечно, грамотно подать - становятся прекрасным поводом для пиара.

Пробовали, например, смеяться над ее домом. Мол, купила вместо особняка (как положено женщине более чем обеспеченной) почти развалины. Старый форт. А она в прессу дала пару карточек с выгодного ракурса: на одной сторожевая башня надменно нависает над морским берегом. На второй - крепостная стена с развевающимся флагом.

И пожалуйста, очень быстро подражать ей начали. Строить новодел в виде старинных фортов, смех! Но разве может даже самый талантливый архитектор воспроизвести архитектуру давних веков? К тому же современные строительные материалы, пусть искусственно состаренные, - совсем не то, что древние камни.

А когда немного дворецкого на работу взяла? Мало того, что насмешничали, еще крик подняли: Глэдис эксплуатирует инвалидов! Но однажды попала она с верным холопом в аварию, машина загорелась, двери заклинило. Любая нормальная прислуга в подобной ситуации впадает в глупую панику. А ее дворецкий присутствие духа сохранил, окна разбил, хозяйку оттащил в сторону, прежде чем машина взорвалась. Тоже теперь народ завидует, пытается верного вассала переманить.

«Глэдис. Ты слишком сильная, это тебя не красит», - укорял ее бывший муж.

Но если б она была слабой – разве смогла бы стать тем, кто есть? Без родительского наследства, без всякой поддержки выбиться в люди? Первая работа ее была – кошмар! – горячие сосиски на улице продавать. А теперь она хозяйка крупной компании. Журналисты охотно верят в красивую сказку: мол, сначала торговала в передвижной палатке. Накопила денег – наняла помощников, купила еще пару торговых точек. И по ступенечке, по шажку – к нынешним ее миллионам.

Не совсем, конечно, правда. Хотя пахала она всегда как вол, безо всяких отдушин, на маникюр впервые ходила, когда тридцать лет исполнилось.

Но от честного «купи-продай» до реального богатства, увы, огромная пропасть.

И она, Глэдис, придумала – сама! – как ее преодолеть.

Мало того, что план разработала и осуществила. Куда больше гордилась тем, что смогла сохранить, приумножить состояние. И не попалась.

А теперь, в свои сорок с хвостиком, действительно она могла позволить себе все. Одевалась у лучших модельеров, занималась фитнесом с личным инструктором. Покупала только очень дорогие натуральные продукты. Путешествовала по миру, появлялась в свете с эффектными, мускулистыми мальчиками. Причем те – предмет особой гордости! – вовсе не воспринимали ее как старуху. Мало того, что за собой следила тщательно, еще старалась молодой душой оставаться. Могла протанцевать целую ночь, совершила восхождение на Килиманджаро, постоянно платила штрафы за превышение скорости.

Но в свой тайный мир не пускала никого. Общалась с ними только наедине. Разглядывала их — при свете дня и в легких сумерках, ранним утром и при искусственном свете. Все остальное в мире, она считала, имеет свои изъяны. Одни ее сокровища – совершенны.

Разве смотрелись бы они в антураже пусть самого роскошного, но стандартного нового особняка? Совсем иное дело, в стенах старинной, повидавшей многое крепости.

Иногда, правда, ее охватывал страх: что найдется кто-то еще более умный и проницательный, нежели она сама. И он сможет подобрать ключ к ее тайне. А самое страшное будет, если тедвое – давний, мимолетный любовник (он же подельник) и гражданский муж – встретятся. Вероятность, конечно, мала на планете с населением в шесть миллиардов. Но ведь в мире иногда происходят даже самые дикие случайности.

Что ж. Оставалось лишь надеяться, что ей повезет.

* * *

Москва. Таня Садовникова

Ох, ну чего, казалось бы, сложного?

Любой психолог научит, что из-за мужиков расстраиваться не нужно. Не стоят они того! Любовные разочарования из сердца следует безжалостно изгонять, на хандру душевные силы не тратить. И вообще: жизнь одна, самцов – много.

Но, сколько ни внушала себе Татьяна позитивных мыслей, получалось как с диетой. Знаешь, что нельзя конфету, но все равно съедаешь. Сначала одну, потом вторую... Здесь она тоже понимала, что не о чем горевать, Стас – ничтожество и предатель. Но ничего с собою сделать не могла. Или уже будильник в биологических часах включился? Оглушительно трезвонил каждый раз, когда очередной поклонник не становился мужем и отцом?

Расставание со Стасом проходило, пожалуй, тяжелее всех ее расставаний. Слишком тот был (точнее, казался) совершенным. Слишком искренне она поверила в его поклонение, что будет с ним счастлива. Всегда...

Если б еще работой можно было отвлечься!

Однако из рекламного агентства – сразу после скандала с глобальной презентацией – Татьяна ушла по собственному желанию. Предложения о новой работе, конечно, были. Но, к сожалению, совсем не те, когда соглашаешься мгновенно, уже на следующий день знакомишься с личной секретаршей и обустриваешь кабинет. Звали ее пока что в рекламные фирмы помельче, с

зарплатой самой заурядной. Нет бы предложить – одному из лучших в стране спецов! – возглавить российский филиал крупного западного агентства. Или пригласить ее в Нью-Йорк, в команду Тони Грейнджера. Или хотя бы бонусами, вроде автомобиля с личным шофером, соблазнить.

Однако или в рекламе кризис, или она, Татьяна Садовникова, стареет, выпадает из обоймы. Что тоже совсем не повод для радости.

На сей раз даже давно испытанное средство спасения от хандры – поход к хорошему косметологу – не сработал. Таня поведала мастеру: сейчас, мол, в работе пауза, могу заняться собой на полную катушку. А косметологиня откликнулась гневной речью. Кожа у вас увядает, тургор снижается, глубина морщин увеличивается. Самое время для серьезных аппаратных процедур, не говоря уже о том, что надо гиалуронку с ботоксом поколоть.

Катастрофа на всех фронтах.

Как, интересно, иные пенсионеры умудряются – в одиноких квартирках, с грошовой пенсией, с кучей болячек – сохранять оптимизм? Взять, например, ее маму, Юлию Николаевну. Та, конечно, не совсем еще бабка, но морщины с Таниными не сравнить. Ботокс маме явно не поможет, только пластика. Устроить личную жизнь она тоже давно не пытается. Пару раз в месяц поругается для тонуса с бывшим мужем – вот и все общение с сильным полом. Пенсия несерьезная (впрочем, она гордячка, у дочери денег не берет). Опять же диагнозов медицинских у мамыли огромный список. Таня, когда Юлия Николаевна ей жаловалась, особенно не прислушивалась, но, кажется, у матери в наличии гастрит, колит, цистит, не говоря уже о давлении, больных ногах и мигрени.

Однако голос ее всегда бодр. На помощь тоже готова явиться по первому зову. Только заикнись, что соскучилась по блинчикам или надо окна в квартире вымыть, примчится мигмом.

Впрочем, Садовникова-младшая (еще со студенческих времен повелось) маму никогда в свою личную жизнь не пускала. Однажды попросишь блинчиков, другой раз – суп сварить, и вот уже мать околачивается в твоей квартире ежевечерне, бесконечно зудит на тему правильного питания, переставляет по своему вкусу мебель. А главное, учит, с кем встречаться, где работать, когда

рожать детей и как вообще жить.

Пусть уж лучше она свою энергию в другие русла направляет. Посещает врачей, общается с подружками-клушками. Или самому своему любимому занятию предается: с несправедливостью борется, бюрократию пробивает.

Юлия Николаевна регулярно докладывала дочери о громких победах. То по просьбе соседок-мамаш она добилась, чтоб в подъезде построили пандус для детских колясок. То исключительно ее стараниями в доме капитальный ремонт делают – с заменой лифтов и окон.

Сегодня тоже мама позвонила возбужденная, радостная. Даже вечного вопроса: «Замуж не собираешься, наконец?» – не задала. Сразу принялась хвастаться:

– Представляешь, добила я их все-таки!

– Кого? – вяло поинтересовалась Татьяна.

Она валялась на диване – книжка оказалась скучна, телевизор, как всегда, туп. Пить в одиночестве не хотелось. Пусть мамины подвиги не самая интересная тема, но все-таки хоть голос родной.

– Чинуш равнодушных! – довольным голосом доложила Юлия Николаевна. – Кому только я не писала! В Минздрав, в московский департамент здравоохранения. С главным врачом поликлиники встречалась несколько раз. В благотворительные фонды обращалась. Ну и, наконец-то, восторжествовала справедливость, – она сделала драматическую паузу.

– Министром здравоохранения назначили тебя? – хмыкнула Таня.

– Ох, дочь, все бы тебе над матерью насмешничать! – отмахнулась Юлия Николаевна. И торжественно, будто номинацию на «Оскар» объявляла, закончила: – В нашей районной поликлинике поставили гастроскоп!

Тут уж Садовникова захохотала в голос.

А мать обиженно произнесла:

– Ничего смешного. Аппаратура такого уровня обычно только в серьезных больницах имеется. А я мало что его для районной поликлиники выбила, еще и самый современный достать удалось. «Олимпус». Поле зрения расширено до ста двадцати процентов.

– Да, это сильно. – Татьяна постаралась стать серьезной. Но от вопроса не удержалась: – Только тебе от этого какая польза?

– Как ты не понимаешь?! – горячо заговорила Юлия Николаевна. – Раньше ведь приходилось на гастроскопию в диагностический центр ездить. Сначала записываться, потом ждать до двух месяцев! А диагноз иногда надо незамедлительно поставить! К тому же добираться туда четыре остановки на метро, а потом еще три – на автобусе. Многим пенсионерам это тяжело.

– Мам, ну, я ж говорила тысячу раз: если гастроскопию сделать надо, звони мне! – проворчала Татьяна. – Я тебя и в хорошую поликлинику запишу, и оплачу все, естественно.

– Спасибо, Танечка, – мамин голос потеплел. – Но ты пойми: я не о себе забочусь. О других – бабушках одиноких, им помочь некому. Не у всех ведь есть такие замечательные дочки, как у меня...

– Добрая ты, мама, – хмыкнула Садовникова. – А толку? Зарплату за благотворительность не платят, даже спасибо тебе бабки небось не сказали – они все воспринимают как должное.

– Что ж, и пусть! – патетически воскликнула маман. – Главное, я сама знаю, что людям пользу принесла!

«Вот ведь энтузиастка!» – с оттенком зависти подумала Татьяна.

Сама она никак не могла себя заставить заботиться о ближних. Помочь, конечно, рада – но как? Благотворительные вечеринки, знала прекрасно, устраиваются обычно напоказ. А деньги, что с помпой собираются для сирот, часто достаются мошенникам. Однажды она отдала малообеспеченной соседке свой старый, но еще очень приличный компьютер. А та (сама слышала!) потом жаловалась всем, кто слушать желал, что Таня одарила ее «жутким барахлом».

Конечно, Таня могла бы тоже задаться целью найти тех, кто действительно нуждается в помощи. Но как-то все дела, дела...

Может, потому небеса и наказывают ее? За эгоизм, небрежение к чужим бедам, бесконечную и бессмысленную гонку: чтоб все выше зарплата, все престижней машина, экзотичней – курорты?

Настроение окончательно испортилось. Надо же было ей в придачу к неприятностям на любовном фронте еще и начать самоедством заниматься! Голова разболелась, заснуть ночью Таня никак не могла. Вертелась в одинокой постели, считала овец, слонов, убеждала себя, что руки-ноги расслаблены. Не помогало ничего – даже секретный, «шпионский» способ, коему ее научил любимый отчим, Валерочка. К тому же под балконом, будто назло, сигнализация на чьей-то машине квакала. Монотонно, негромко, но чрезвычайно противно. А спать в кондиционированном воздухе Садовникова не любила.

Попробовала от надоедливых звуков подушкой укрыться – жарко. Все же захлопнула окно, включила кондиционер и сразу чихать начала.

Вышла на балкон, вычислила нарушителя спокойствия, не удивилась – как всегда, серая соседская «Нексия». Вечно с ней проблемы: то хозяин (джигит Арсен) на газоне свой транспорт припаркует. То встанет во второй ряд – и Танину машину запрет. Еще одна забава – явиться посреди глухой ночи и врубить на беду всему подъезду горские напевы. А сегодня вот кваканье.

– Тоже не спишь? – услышала Таня.

Обернулась, увидела: на соседнем балконе стоит соседка, пожилая тетя Валя в байковом халатике поверх ночной рубашки. Держится за виски, причитает:

– Китайская пытка какая-то, уже трясет всю! – И робко предложила: – Может, зайти к Арсену? Попросить, чтобы выключил?

– В три часа ночи? С ума сошли, тетя Валя, – вздохнула в ответ Садовникова.

Она однажды пыталась ругаться с джигитом и потерпела сокрушительное поражение. Тот орал на нее, будто бай на служанку. А ночью к нему домой

заявишься – вообще убьет.

Татьяна вернулась в квартиру, грустно подумала: «Что-то совсем я никчемная... Маман, вон, с целыми департаментами воюет, и успешно. А я даже с наглым соседом справиться не могу».

Однако – какие могла – меры все же приняла. И уже через четверть часа забылась в блаженном сне.

А разбудили ее в восемь утра истеричные крики на гортанном восточном языке.

– Чтоб тебя! – простонала Татьяна.

Выскочила из постели, подкралась к балконной двери, осторожно выглянула на улицу.

Арсен метался возле своей машины.

Все четыре колеса ее были спущены (ниппели Татьяна заботливо положила на капот). На капот же она высыпала все имевшиеся в доме (с трудом добытые!) запасы гречки. Судя по глубоким царапинам когтей – их было видно даже с третьего этажа, угощение окрестным птицам понравилось.

– Узнаю, кто это сделал, своими руками зарежу!!! – Арсен, явно в расчете на проснувшихся соседей, перешел на русский язык.

– Попробуй! – прячась за занавеской, злорадно улыбнулась Татьяна.

Настроение, на удивление, было шикарным.

Каждому, наверно, свое. Мама счастлива, когда людям поможет. А она гадость сделала – и тоже довольна. Впрочем, соседи, уставшие от выходок нахального горца, наверняка будут ей благодарны.

Таня закрыла все окна, включила кондиционер, вырубил телефоны, уютно устроилась под одеялом и с чистой совестью приготовилась спать минимум до полудня.

Однако уже в десять ее разбудил звонок в дверь.

Она попыталась укрыться под подушкой, но трезвонили назойливо, требовательно, потом еще стучать начали. Неужели Арсен вычислил преступника и явился разбираться?!

Садовникова накинула халат, прошлепала в коридор, рывкнула:

- Кто?

- Таня, немедленно открой! - приказали ей из-за двери.

Бог ты мой: мама! Что ей надо в такую рань?

Таня распахнула врата и напустилась на Юлию Николаевну:

- Mam, я, между прочим, сплю! И вообще, что за манера...

Не договорила. Вдруг заметила: лицо у Юлии Николаевны выглядит нереально, просто сумасшедше счастливым. Чего еще она добилась вдобавок к гастроскопу для родной поликлиники? Томографа?

А мама триумфально провозгласила:

- Таня. Ты сейчас упадешь. Представляешь - мне выделили квоту!

- На что?

- На лечение! За границей!

- Господи, кто выделил?

- Позволь мне пройти, - царственно произнесла Юлия Николаевна.

Прошла на кухню, устроилась за столом, велела:

– Чайник поставь.

Хотя обычно сама начинала хлопотать.

Таня, ухмыляясь, исполнила приказ. Уселась напротив матери. Велела:

– Ну, колись!

И та обстоятельно начала:

– Я тебе рассказывала по поводу гастроскопа. Большую работу пришлось проделать, обращаться во многие организации, фонды. Везде, конечно, оставляла контакты свои, анонимные обращения чиновники не рассматривают. И вот из поликлиники позвонили, спрашивают, у вас гастрит есть? Я растерялась, да, говорю, но зачем это вам? А они объясняют: мне путевка выделена! Оказывается, тем, кто на учете по желудочно-кишечным заболеваниям, положено! Раз в три года, путевка социальная, не только в Кисловодск, Ессентуки – еще в Венгрию, Чехию, даже в Баден-Баден! Но путевок, конечно, мало очень, распределяют исключительно по своим. А я ж запугала чиновничью братию – вот они и решили отправить меня с глаз долой!

– Куда, в Кисловодск?

– Нет, – гордо произнесла маман. – Я же сказала тебе: за границу. В Карловы Вары.

– Да ладно! – Таня против воли заразилась ее энтузиазмом.

– Клянусь! Уже все документы передали!

– Покажи, – велела дочь.

Юлия Николаевна гордо продемонстрировала пластиковую папку. Все чин чинком: анкета на получение визы, электронный билет до Праги, ваучер на двухнедельное проживание в какой-то гостинице «Village».

Таня наморщила лоб:

- Не помню, где там такая. Я, правда, в Карловых Варах давно была...

- Я посмотрела уже - Интернетом, слава богу, пользоваться умею, - похвасталась маман. - От центра недалеко, двадцать минут на машине. А до автобусной остановки - две минуты пешком.

Таня хмыкнула, потянулась за ваучером:

- Подожди, а звездочек сколько?

- Нисколько, - вздохнула Юлия Николаевна. - Это даже не гостиница - называется пансион. Но с виду чистенько. Разве, - добавила почему-то обиженно, - мне люкс на халяву дадут? Путевка-то социальная...

- Кошмар, - проговорила Татьяна.

- Таня, от государства нашего хоть шерсти клок! - назидательно произнесла Юлия Николаевна.

- Мамуль, я, правда, в Варах особенно не лечилась... но там, по-моему, воду целебную надо три раза в день пить. Все источники, естественно, в центре города. Ты что, каждый раз будешь из гостиницы на автобусе ездить?

- Ну... буду утром приезжать. Гулять по городу. А вечером - обратно.

- А процедуры? Ванны всякие, массажи?.. Тоже в городе? После них, между прочим, надо обязательно отдыхать. В постели минимум полчаса.

- А, обойдусь! Главное - вода!..

- Нет уж, мама. - Таня брезгливо отбросила ваучер. - В эту дыру я тебя не отпущу!

- Таня, дареному коню в зубы не смотрят.

– Если хочешь лечиться – езжай... езжай, допустим, в «Дом Павлова» (Таня вспомнила название гостиницы, куда возил ее Вернер[4 - См. об этом в романе А. и С. Литвиновых «Отпуск на тот свет».]). За путевку я, разумеется, заплачу.

– Не возьму я у тебя ничего. Тем более ты сама сейчас без работы, – мгновенно откликнулась маман.

Лицо сразу стало упрямое, гордое.

Садовникова вздохнула – изучила уже досконально мамин характер. Одалживаться та действительно не любила – даже у родной дочери.

Но отпускать ее в пансион под названием «Деревня»?..

И Таня сама не поняла, как с языка сорвалось:

– А давай в Карловы Вары вместе поедем!

– Ты... ты... – мамины губы задрожали. – Ты шутишь?

Вместе отдыхать они последний раз ездили, когда Татьяна закончила восьмой класс. И почти все время ругались. У Тани появился поклонник – мальчик из числа отдыхающих, Юлия Николаевна постоянно пеняла, что возвращается в номер дочь поздно, и однажды – о, ужас! – от нее пахло пивом.

– Да почему же шучу. Я пока не работаю, деньги, к счастью, есть. Желудком, правда, не страдаю, но на водах можно нервы поправить. Мне не мешает.

– Ты... ты действительно хочешь поехать в Карловы Вары со мной? – недоверчиво спросила мать.

– Ну, да! Да! – Таня уже стала жалеть о своем порыве. Однако мужественно закончила: – Естественно, с тобой. Только не в пансион «Village», конечно. Я подберу нормальный отель.

– Что же, путевка, получается, пропадет?..

– Билет твой используем. А ваучер на гостиницу отдай какой-нибудь бабке из очереди на гастроскопию.

– А как она будет дорогу оплачивать?!

– Господи, мама! Ну, отдай ваучер вместе с билетом! Я другие куплю! Да, действительно, лучше полетим бизнес-классом!.. И не до Праги, оттуда ехать еще сто километров, – прямо до Карловых Вар.

И увидела: по маминой щеке покатились слезинки. Вечно напряженное, грозноватое лицо смягчилось. Юлия Николаевна обняла дочку, чмокнула в щеку, вымолвила:

– Танюшка! Хороший ты у меня человечек!..

И горячо заверила:

– Ты не пожалеешь! Вместе гулять будем, болтать – как болтали, когда ты маленькая была!

«Ох, не умереть бы мне в этих Варах с тоски!» – безнадежно подумала Татьяна.

Но отступать уже было поздно.

* * *

Отчим позвонил ей тем же вечером.

– Танюшка, ты не заболела? – В его голосе звучала неприкрытая тревога.

– Да нет, Валерочка, с чего ты взял? – усмехнулась Татьяна.

– Вдруг едешь на воды. Да еще с мамой.

- Ну... - мужественно ответила Таня. - Надо ж хоть когда-нибудь выполнять дочерний долг! Я просто мудрею, остепеняюсь.

Успокоила Валерочку, положила трубку, грустно вздохнула. Сама уже корила себя за порыв вывезти родительницу на отдых. Но не отступать же теперь! Тем более что мама немедленно взялась готовиться к поездке. В тот же день доложила дочери, что купила специальный дорожный чайничек - чтоб прямо в номере можно было перекусить. (Какой смысл - когда у них «все включено», да и в округе полно кафе?) А также сообщила Тане, что записала ее в пресловутую районную поликлинику на прием к гастроэнтерологу.

- Зачем?! - ужаснулась дочь.

- А как же! Мы ведь в санаторий едем. Обязательно выписка из истории болезни нужна.

- Ну, лично я лечиться там не собираюсь, - буркнула Татьяна. - И болезней - тем более с историей - у меня нет.

- Гастрит у тебя наверняка есть, - пригвоздила маман. - Сколько лет одной сырокопченой колбасой да корейской морковкой питаешься!

- Вот и буду лечиться тринадцатым источником.

Таня, еще когда с Вернером в Вары ездила, запомнила: целебных вод в городке двенадцать видов. А тринадцатым называют «Бехеровку», ядреный, но приятный на вкус ликер.

- Алкоголь с лечебными процедурами, чтоб ты знала, несовместим, - авторитетно заявила Юлия Николаевна.

Таня же тоскливо подумала: «Ох, совсем она меня за две недели-то изничтожит!»

Хорошо хоть два одноместных номера заказала. Мама, правда, попыталась протестовать: «Зачем? Лишние расходы!» - однако дочь была неумолима:

– Во-первых, я храплю. А во-вторых... вдруг у тебя на курорте начнется личная жизнь?

– Ох, не надо, – как-то слишком уж поспешно откликнулась Юлия Николаевна.

– Да, ладно, мам, какие твои годы?

– Нет, Танечка. Давай мы лучше твою личную жизнь устраивать будем, – вздохнула та.

...А когда – очень быстро – все приготовления остались позади и самолет оторвался от земли, Юлия Николаевна, словно между делом, поинтересовалась:

– Танюша, а какой ты нам отель все-таки заказала?

– «Империал».

– Да ты что! – Щеки Юлии Николаевны зарумянились.

– Слышала о нем? Там Ротшильд останавливался, Штраус, Мэри Пикфорд, – небрежно перечислила Таня.

– Значит, я была в хорошей компании.

– Что значит – была? – Девушка в изумлении уставилась на мать.

– Я тоже когда-то жила в Карловых Варах в гостинице «Империал».

– Ты что, там уже бывала? – недоверчиво переспросила Татьяна.

– Представь себе.

– Когда?

– Очень давно. Тебе тогда только год исполнился. Туристическая поездка. От моего КБ.

– Ну, мама, ты даешь! Я-то тебя удивить хотела. Думала: ты за границу вообще впервые едешь, – с некоторой даже обидой произнесла дочь.

– Танечка, – твердо произнесла мать, – поверь: ты меня очень удивила. И очень обрадовала.

Глаза Юлии Николаевны подернулись мечтательной поволокой.

– Боже, бывает же такое! – патетически воскликнула она. – Могла ли я подумать... тогда... что когда-нибудь моя дочь вырастет, превратится в красавицу и повезет меня лечиться за границу – да в тот же самый шикарный отель?!

Тут еще стюардесса явилась. Подала им – единственным пассажирам бизнес-класса – шампанское. Мама осторожно взяла бокал. Произнесла с уважением:

– Хрустальный...

– А, в бизнес-классе всегда так, – отмахнулась дочь. И продолжала укорять ее: – Нет, мам. Ты сразу должна была мне сказать. Поехали бы с тобой в Швейцарию, Германию, мало ли в мире мест? А то совсем по-дурацки получается. Побывать за рубежом всего дважды в жизни, к тому же в одной стране и даже в той же самой гостинице!

– Ох, Таня... – задумчиво произнесла мать. – Зато какие у меня с этим местом связаны воспоминания!

– Ты там впервые увидела маленькие бутылочки с шампунем? – насмешливо поинтересовалась Садовникова.

– Я там совсем другую жизнь увидела, – задумчиво и почему-то печально откликнулась Юлия Николаевна.

* * *

Давно. Карловы Вары. Юля Садовникова

Юля подумать не могла, что заграница ее настолько ошеломит.

Прежде почти не сомневалась, что живет она в самой лучшей в мире стране. Великой, сильной. Ехала в Европу – на радость руководителю группы – убежденным скептиком. «Чехи, карманное государство, чем они могут удивить?»

В итоге именно ее зацепило больше всех. Юлина идеологическая крепость пала сразу и безвозвратно. А ведь Чехословакия страна народной демократии. Что же тогда творится там, где (как пишут советские газеты) правит капитал? Все, что в Карловых Варах есть толкового, построено до войны. Коммунисты только приспособили буржуазные достижения под себя.

Роскошь старинного отеля – он располагался на холме, словно парил над городом, – Юлю поразила. Черепичные крыши городка, чистенькие улицы, неведомые доселе яства – кнедлики, крокеты, сочащаяся соком баранья вырезка – наполнили сердце восторгом. А чего стоило пиво, ледяное чешское пиво в запотевших бутылках, что подавали на обед и ужин совершенно бесплатно? А садовник, усталый, мудрый, в аккуратном комбинезоне, – он колдовал в примыкающем к отелю саду над нереальной красоты розами? Перехватил ее заинтересованный взгляд, приветливо улыбнулся и вдруг преподнес ей цветок:

– Для вас, прекрасная пани!

«Кормят так себе. И размещение среднее», – ворчали более опытные члены тургруппы. Но Юля – ей было двадцать пять, и она впервые в жизни вырвалась за границу – радовалась, как дитя. Словно узник, приговоренный к смерти и внезапно получивший свободу.

«Юля, держи свои восторги при себе, – пугали ее умудренные соратницы по поездке. – А то недолго из комсомола вылететь».

Но ей – честно! – впервые в жизни было плевать на комсомол, моральный облик и что о ней подумают.

Еще свою роль сыграло то, что она только из декрета. Целый год безвылазно просидела дома с грудной дочкой, Танюшкой. Ребенок капризный, болезненный – к тому же никто ей не помогал. Мужа не было, бабушка работала, жила в

другом городе. А чтоб няню взять, даже мысли не возникло. Во-первых, дорого, а главное – не принято. Раз сама в декрете сидишь, с какой стати? Все семьи, когда дети рождаются, одинаково живут: год из жизни, считай, вычеркнут, сплошные пеленки, уборки, ночной плач, бесконечные приготовления морковных и прочих рекомендуемых врачами пюре.

Жила, как все, не сомневалась: иначе не бывает. А здесь увидела, как можно жить. В изумлении разглядывала хорошо одетых, ухоженных, сияющих мамаш при младенцах-картинках. Дамочки воркуют меж собой за столиками в кафе, отпрыски, практически без присмотра, резвятся на ступеньках. А мамам вроде все равно, что дети на холодном бетоне попы отмораживают. Про специальное питание для младенцев тоже будто не слышали – подкармливают отпрысков со своего стола. То кусочком ветчины, то огурцом маринованным. Прямо в грязные руки потомкам суют.

Юля сначала, как это увидела, в ужас пришла. Полная безответственность! Антисанитария! Однако присмотрелась: вид у юных иностранцев здоровенький, щечки розовые. И главное, что ее поразило: пусть дети крохи совсем, а ведь умеют уже сами себя развлекать! Перебирают машинки, кукол, родительского внимания абсолютно не требуют. В то время как ее Танюшка пяти минут не могла играть в одиночестве – начинала канючить, добиваться маминого внимания. В отпуск отпустила с жутким ревом, Юля, пока в такси усаживалась, чемодан в багажник грузила, слышала в открытое окно безостановочный громкий плач и растерянные бабушкины причитания: «Ну, Танечка, золотце! Мамочка же скоро вернется!»

Всю дорогу до Карловых Вар дочкин горестный голосок в ушах стоял, и Юля почти не сомневалась: тревога за ребенка будет снедать ее на протяжении всего отпуска.

Она и снедала – ровно до того момента, как Юлия вдохнула местного целебного воздуха. Прошла по спокойным, мощным булыжником улочкам. Почувствовала себя частью ухоженной, сытой, благополучной страны. Сразу все домашние проблемы, хлопоты, безденежье стали казаться ничтожными, несерьезными. О дочке Юля вспоминала лишь у витрины очередного детского магазина. Видела изящное детское платьице, начинала лихорадочно прикидывать, может ли себе его позволить, и отчаянно жалела, что гордая была. Нет бы, как другие ушлые туристы, взять с собой на продажу часы «Полет» и фотоаппарат «Зенит».

Карловы Вары городок необычный. Тут все, как сообщила экскурсовод, лечению подчинялось. В центре каждый второй пешеход обязательно нес с собой кружечку для воды. Впрочем, минералка (коей здесь приписывали совершенно чудотворные свойства) Юле не понравилась. Кислая, пахнет железом. В шестнадцатом веке, наверно, правильно делали: вместо того чтоб воду пить, просто в ней сидели.

Впрочем, их группе время на посещение источников и лечебные процедуры отвели минимальное. Во главе угла, как полагалось в те времена, была программа визита. Встреча с трудящимися стекольного завода «Мозер», посещение дома, где в конце девятнадцатого века проживал Карл Маркс...

- А если сбежать? - спросила Юля с новой, удивительной для себя беззаботностью у соседки по комнате.

- Не думай даже: со свету сживут, - вздохнула та.

Однако высшие силы Юлечке помогли.

После первой же кружки ледяного пива у нее жутко разболелось горло, пропал голос, поднялась температура. Руководительница группы сначала ее обвиняла, что симулянтка, но потом все же пощупала Юлин лоб. Нахмурилась, потащила ее к врачу - местному, он вел прием в отеле. Тот поставил диагноз: ангина, но постельного режима не назначил. Наоборот, велел: обязательно три раза в день - утром, в обед и вечером - ходить в недавно отстроенную галерею Гагарина. Там под крышей (уверял доктор) бьет некий совершенно уникальный горячий источник, способный исцелить боль в горле почти мгновенно.

- А, ерунда! Лучше отлежусь, и олететрин[5 - Популярный в советское время антибиотик, продававшийся без рецепта.] буду пить, - отмахнулась от сомнительного совета Юлечка.

Однако соседка по номеру, пожилая дама, пожала плечами:

- Странная ты. У тебя шанс какой - по городу одной погулять! А ты в постели валяться собираешься.

Группу их сразу после завтрака грузили в автобус, пересчитывали и под бдительным контролем руководительницы, экскурсовода и непонятого человека, которого все считали куратором из КГБ, увозили на мероприятия.

Юля же оказалась предоставлена самой себе.

В постели, конечно, не осталась. Оделась, вышла из гостиницы. Медленно прошла через отельный парк к канатной дороге. Спустилась в город к источнику. Воду (раз назначено) честно выпила – мелкими глотками, чтоб не стошнило.

А дальше побрела по дружелюбному, чистенькому городку куда глаза глядят. Рассматривала дома, прохожих. С особым вниманием их наряды. Пыталась разобраться, что написано на плакатах на чешском языке (пока что усвоила единственное слово – POZOR, в переводе на русский – внимание). Поражалась величественной красоте отелей. Ее особенно впечатлило огромное, с шикарной лепниной, явно старинное строение. Занимало оно целую площадь и называлось почему-то гостиницей «Москва»[б - Ныне отелю возвращено его историческое название – «PUPP»].

Горло, на удивление, прошло под вечер первого же дня (против обычной простудной недели).

Однако Юля, вкусив самостоятельности, за ужином продолжала хрипеть и покашливать. И руководительница милостиво дала санкцию: завтра продолжить лечебные процедуры.

Снова канатная дорога, обжигающе горячая вода из источника, неспешная прогулка...

Чувствовала себя Юля в горном воздухе городка (или то был воздух свободы?) изумительно. С огромным удовольствием ловила на себе заинтересованные мужские взгляды – а их оказалось немало! Причем и респектабельные господа косили глазом, и молодежь. Не то что дома. Там, когда она, встрепанная, мчалась с коляской в поликлинику или на молочную кухню, джентльмены поглядывали на нее разве только с сочувствием. В очередях называли исключительно «женщиной» или «гражданкой», вообще кошмар!

Юля там, в Союзе, почти смирилась: жизнь ее кончена.

А тут вдруг выяснилось, что за границей даже старухи лет под семьдесят выглядят и ведут себя, словно юные кокетки! Что уж говорить о ней, в двадцать пять-то лет!

Девушка охотно вступила в принятую здесь игру: распрямила плечи, мгновенно освоила походку от бедра, мягко и загадочно улыбалась в ответ на мужские взоры.

Расстраивало лишь то, что одета она не то чтобы бедно, но куда тяжеловеснее и скучнее, чем местные. Костюм (единственный приличный) у нее пусть пошит по фигуре, но цвет – жутко лиловый. И туфли тупоносые, на толстом каблуке, совсем не чета изящным лодочкам, в коих щеголяют местные дамочки.

Ох, обновить бы гардероб, вернуться домой европейской, утонченной особой!

Однако денег у нее было настолько мало, что Юля в магазины даже не заходила – чтоб искушения не появлялось. Приценивалась лишь к детским платьицам для Танюшки, ну, и маме надо обязательно кожаные перчатки купить за то, что пожертвовала собственным отпуском, согласилась присмотреть за внучкой. А для себя – ни-ни.

Но, странное дело, дома, в советской стране, Юлия славилась твердым характером. Если решала чего – всегда доводила до конца. Нельзя в отпуск, значит, даже мечтать не буду. Нет денег на мясо с рынка – поживу на «синих птицах» (тощих замороженных курочках из магазина). А тут сколько ни давала себе зарок – никаких магазинов! – а все ж в один забрела. В самый, причем, оплот буржуазии, в антикварный!

Вдруг увидела в ослепительно-чистом окне черную бархатную подушечку. На ней – ожерелье. Да какое! Настоящее произведение искусства, в советских ювелирных магазинах ничего даже близко похожего не видала. По центру огромный изумруд. Далее – крошечные золотые подвески в виде сердечек. Изящно, элегантно, но в то же время настолько эффектно, богато, стильно!

Вообще-то Юля, комсомолка, девочка из семьи трудовой интеллигенции, была равнодушна к украшениям. Владела, как многие советские девушки,

единственным золотым колечком (мама подарила на школьный выпускной), да ниткой искусственного жемчуга, и считала: этого достаточно. Но тут остановилась перед витриной, будто замороженная. Солнечные лучи плясали в гранях изумруда, подвески рассыпались мириадами искр... Кажется, жизнь бы за эдакую красоту отдала.

«Эй, опомнись! Даже если были бы деньги его купить, куда тебе в нем ходить – на молочную кухню?»

Попыталась отвернуться, но рука уже тянулась к входной двери.

Звякнул колокольчик. Продавец, импозантный джентльмен в черном костюме, снисходительно оглядел ее скудный наряд, сухо кивнул. А она указала пальцем на ожерелье и выпалила по-русски:

– Сколько стоит?

Теперь по лицу мужчины за прилавком разливалось уже совершенно явное неодобрение.

«Ну да. Я даже не поздоровалась. И вообще чехи не любят, когда с ними по-русски говорят... Может, он меня просто не понял?»

Юля постаралась вспомнить уроки соседки:

– Добри день, колик то стои?..

Однако продавец ответил ей почти без акцента:

– Семнадцать тысяч крон.

Юля мгновенно сникла. Абсолютно нереальная сумма. Не только для нее – для рядового чеха (или словака) тоже. Средняя зарплата по стране три тысячи крон, им говорили.

– Спасибо, – грустно вымолвила она.

Каленым железом выжигать надо внезапно вспыхнувшую страсть к изумрудам!

Но прежде чем покинуть магазин, еще раз взглянула на божественной красоты ожерелье. Не удержалась – протянула руку, коснулась исходящего зелеными искрами камня: он, ей показалось, теплый, нежный, будто ласкал ее пальцы...

А нелюбезный продавец – он не сводил с нее презрительного взгляда – вдруг произнес отчетливо:

– Не трожь его своими грязными лапами!

Резкая фраза обожгла.

– Что? – отступив от драгоценности, растерянно прошептала Юля.

– Ненавижу! – Лицо мужчины исказилось болезненной гримасой. – Негодяи! Оккупанты!

– Я... я вам ничего плохого не сделала.

Оправдываться явно было не лучшим решением, потому что магазинный фанатик совсем взбеленился. Выскочил из-за прилавка, грубо схватил ее за предплечье. С пеной у рта, сбиваясь с русского на чешский, разразился гневным монологом. Начал, разумеется, с Пражской весны и советских танков. Дальше перескочил на совсем непонятное. Стал вещать про какой-то бетонный замок, будто он из-за него дом свой потерял, и виноваты, конечно, во всем русские.

А она будто под гипноз попала. Шевельнуться не могла, смотрела то на злобного продавца (глаза – коричнево-красные угли), то на ожерелье (успокаивающий зеленый с золотым), чувствовала, как в груди поднимается бессильный гнев... Но противостоять или хотя бы стряхнуть с плеча чужую руку – никак не выходило.

Мимо магазина, видела она, неспешной походкой фланирует народ. Но никому из них даже в голову не приходит заглянуть в антикварную лавку. Помочь ей – униженной, беспомощной, раздавленной.

Но вдруг молодой, хорошо одетый мужчина, что проходил мимо магазинчика, перехватил ее отчаянный взгляд. Резко остановился. «Помогите!» – одними губами шепнула Юлия. И он словно услышал ее. На чужом языке, сквозь стекло. Решительно распахнул дверь в лавку. Юля взглянула на него повнимательней и едва не зажмурилась: настолько мужчина походил на ее идеал. На того самого принца, которого она ждала всю жизнь и теперь, будучи матерью-одиночкой, даже не надеялась встретить.

Умное породистое лицо. Худощавый. В очках. Костюм безупречный, рубашка – свежайшая. С виду интеллигент, но сила в нем чувствовалась. По крайней мере, мерзкий продавец тут же оборвал свой спич, отпустил Юлино плечо. Учтиво что-то произнес, адресуясь к вошедшему на неведомом девушке чешском.

Тот ответил – коротко, решительно, резко. В магазинчике будто холодом повеяло. Злобный антиквар поник, сдулся... начал бормотать – виновато, покаянно.

Юля же, наконец, избавилась от своего оцепенения. Благодарить избавителя не стала – бросилась из ювелирной лавки прочь. Спас, ярким лучом в ее жизни сверкнул, уже благо.

А когда спотыкалась на неудобных булыжниках мостовой, вдруг услышала за спиной мужской голос – причем обратился к ней человек на безупречном русском:

– Подождите! Не убегайте!

Резко остановилась, обернулась – он. Тот самый, молодой – ее спаситель. Ну надо же: по виду совершеннейший чех (или словак). А по-русски говорит совсем без акцента.

«Поблагодарить, что помог, – и бежать!» – мелькнула мысль.

Однако вместо этого Юля вдруг разрыдалась практически на плече у абсолютно незнакомого иностранца!

Опять, как в злосчастном магазине, на нее будто оторопь напала. Послушно принимала у мужчины платок, вытирала глаза, далее, будто кролик за удавом, покорно последовала за ним в подозрительного вида подвальный бар, хотя руководительница группы строжайше предупреждала: «Никаких самостоятельных контактов с иностранцами! Тем более – тет-а-тет. И никакого совместного распития спиртных напитков!»

Однако они уже сидят за столиком, перед Юлией – стакан со сваржене вино[7 - Горячее красное вино.], новый знакомый успокаивающе гладит ее по руке... И ощущение, будто знакомы они всю жизнь. Словно всегда, с детства, со школы, этот мужчина ее защищал, опекал, спасал.

Юлия хлюпнула носом, произнесла жалобно:

– Чего он привязался ко мне?

– Из-за «Термала», – усмехнулся красавец. – У папаши Гануша большая мозоль, тут все знают.

– Папаша Гануш?

– Ну, продавец. Из ювелирного магазина.

– А что за «Термал»?

– Гостиницу у нас строят. По проекту вашего советского архитектора. Махонин его фамилия. Под стройплощадку много домов снесли, школу. Гануша в Драговицы переселили. Это... ну... – Он на секунду задумался, потом перевел: – Вроде микрорайона нового. С панельными многоэтажками. А раньше он в старинном особняке жил.

– Я-то здесь каким боком?! – никак не могла успокоиться Юлия.

– Я Ганушу так и сказал! Пусть Брежневу претензии предъявляет, не тебе! – подмигнул ее спутник. И предложил: – Да забудь ты о нем. Давай лучше знакомиться. Меня Мирослав зовут. Или, по-русски, Слава.

– Юля, – представилась она. И зачем-то добавила: – Для друзей – Джулия.

Получилось весьма лукаво, хотя никто ее уже два года, с момента, как зачала дитя и выпала из веселой студенческой жизни, на английский манер не называл. Даже Юлю теперь редко слышала – чаще именовали мамашей.

– Джулия и Мирослав... – задумчиво произнес молодой человек. Улыбнулся загадочно. Добавил: – Неплохо звучит!

– Вы что имеете в виду? – фыркнула она.

Спутник не растерялся:

– Имена супругов, конечно!

– А вы шустры! – расхохоталась Юля.

И снова иронично подумала: «Я ли это?»

Кокетничать на самом деле она не умела и не любила. Серьезную любовь к своим двадцати пяти пережила лишь одну – причем завершилась она полным разрывом. Ну, и рождением ребенка, конечно[8 - См. об этом в романе А. и С. Литвиновых «Все девушки любят бриллианты»].

В Карловых Варах, наверно, просто воздух дурманящий, разгульный. И вино – хмельное.

«Как бы в историю не влипнуть, – забеспокоилась Юля. Но тут же себя одернула: – Да ладно, парень – культурный европеец! Что он мне сделает?!»

Постаралась вернуть разговор от скользких тем в рамки светской беседы. Отодвинула подальше стакан с дурманящим красным вином. Поинтересовалась учтиво:

– Расскажите о себе, Мирослав. Вы работаете, учитесь?

Он не ответил. Накрыл ее ладонь своей, произнес задумчиво:

- Глаза у тебя - как... пруды? Нет, прости. Я русские слова забываю уже. Как озера. Глубокие. Бездонные.

Юлия смущенно потупила взор.

А он прижал ее ладонь еще крепче. Прошептал:

- Только грустные очень. Из-за этого идиота Гануша расстроилась, да?

- Ну... наверно, - пробормотала она. Хотя про злющего продавца давно уже забыла. Сейчас ее противоречия раздирали. Одновременно было хорошо и очень страшно. Хотелось и убежать, и чтобы этот прекрасный человек оставался рядом с ней. Всегда.

Он почувствовал ее напряженность, убрал руку, спросил:

- Может быть, я тебе неприятен?

- Нет-нет, что ты! - поспешнее, чем следовало, откликнулась Юля.

А Мирослав (в голосе его звучало нескрываемое удивление) произнес:

- Надо же, как бывает. Думал, что я - трезвый человек. Взрослый. Циник даже... - Он усмехнулся. Снова прикрыл ее ладонь своей, продолжил: - А встретил тебя - и голова кругом. Хотя всегда считал, что любовь с первого взгляда - сказки, пустая романтика. Девчачьи выдумки. Но сегодня просто лицо твое увидел за стеклом. Одно только лицо - и сразу в душе все... будто оборвалось.

Юля зарделась, опустила ресницы, украдкой взглянула на парня. Не похоже, чтобы он врал. Лицо счастливое, чуть недоумевающее. Но разве достойна она - неудачница, мать-одиночка в лиловом костюме - подобного красавца? Не подвох ли это? Может, он из белоэмигрантов (вернее, потомок белоэмигрантов)? И пытается ее (вспомнила инструктаж в выездной комиссии парткома) завербовать?

– Юлечка, Джулия... – нежно, будто пробовал на вкус, произнес Мирослав.

Коснулся ее щеки – Юлю сразу будто током ударило (как в сентиментальном романе, ей-богу!).

«Да что со мной творится? – испуганно подумала она. – Какая любовь, какой ток?! Мы через два дня уезжаем в Прагу, и вообще: у меня ребенок!»

Но тут же на саму себя прикрикнула: «Да прекрати ты! Расслабься! Не дергайся! У тебя просто отпуск. Заграница, свобода. Интрижка с потрясающе красивым иностранцем. Давно пора жить именно так!»

И когда Мирослав уверенной рукой ее обнял, Юля (против обыкновенного своего обращения с мужчинами) не вырвалась.

А каким сладким оказался поцелуй в полумраке бара!

А чего стоила их вечерняя прогулка – в обнимку по умиротворяющему городку!

Когда Мирослав рассказал по ее просьбе о себе, Юля зауважала нового знакомого еще больше. С виду – студент-старшекурсник, а выяснилось, что институт закончил семь лет назад. Сейчас практикующий врач.

– Я, правда, бакалавра за два года получил вместо четырех, – небрежно, совершенно без хвастовства, уточнил он. – С ординатурой тоже быстро разделался, диссертацию защитил год назад. Мама теперь мечтает, что профессором буду. Самым молодым в Чехословакии.

– А кто у тебя мама? – заинтересовалась Юля.

– Тоже врач. Здесь, в Карловых Варах, в институте бальнеологии кафедрой заведует.

– Слушай, а по национальности ты кто? Чех? Словак?

– Да разве похож я на чеха? – рассмеялся Мирослав. – Русский лапоть. С примесью украинской и белорусской кровей. Родовая фамилия у нас была – Красавины. Потом мы ее, правда, урезали. Стали Крассами. Более по-европейски звучит.

– А как ты здесь оказался?

– Случайно. Как все в жизни бывает. Бабушка с дедом по маминной линии от революции в Париж сбежали. Устроились нормально, квартира, работа, но как-то не особо прижились. А в сороковом, еще до войны, у деда язва желудка открылась обширная, и один французский профессор ему сказал: «Или сюда, на воды, – или помрешь». Ну, бабка с дедом послушались, перебрались в Карловы Вары. Сначала жили тут по необходимости, чтоб деда вылечить, а потом привыкли, полюбили городок, страну. Дедуля эдаким доктором де Карро стал. Слышала про него?

– Не-а, нам только про Маркса с Энгельсом в Карловых Варах рассказывали, – аполитично хмыкнула она.

– Де Карро, швейцарец, приехал сюда в 1826 году лечить подагру. И навсегда в городке остался. Исследовал состав местных вод, писал статьи, стал почетным гражданином... Бабке с дедом моим, правда, меньше, чем швейцарцу, повезло. После войны в Чехии социализм начался, но старики решили: лучше уж при коммунистах, но в любимом месте. Да и от воды уезжать не хотели: врачи говорят, язвенников бывших не бывает. – Мирослав хмыкнул. – Они вообще к вопросу лечения серьезно со всех сторон подошли. Чтоб в будущем уж точно никаких проблем не было, дочь свою – мою маму – врачом сделали. И специализироваться заставили по бальнеологии.

– Ты, наверно, тоже в духе семейной традиции бальнеолог? – предположила Юлия.

– Ну, что ты! – чуть презрительно хмыкнул он. – Курортология, водичка – это забавы для девушек. А я хирург.

– Здорово! – вырвалось у Юли. И она добавила грустно: – Просто позавидовать можно. Живешь в красивой стране. Работа интересная.

Не то что она – молодая мамаша. С дипломом по инженерной (и, честно говоря, совсем не любимой) специальности. Да еще с ребенком на руках.

И вдруг услышала:

– А ты замуж за меня выходи!

Она недоуменно уставилась на него:

– Мирослав, ты что? Мы ведь едва знакомы...

– Да, я понимаю, – склонил голову он. – Ты девушка, вам всем обязательно нужны ухаживания... Только у нас с тобой на них времени нет. А отпускать тебя я не хочу.

* * *

Наши дни. Карловы Вары

– Да, мамулечка, – с уважением произнесла Таня. – Ты, оказывается, еще той свистушкой была!

– Дочка, выбирай выражения, – нахмурилась маман. Впрочем, ее лицо тут же разгладилось. – Хотя, наверно, ты права. Как иначе меня назвать? Едва увидела человека – сразу потеряла голову. Но именно о таком мужчине – решительном, состоявшемся, элегантном – я мечтала всю жизнь. К тому же я целый год безвылазно просидела дома с грудным ребенком на руках. А отец твой – ну, ты сама знаешь – сделал все для того, чтоб я разочаровалась в мужчинах.

– Так что дальше-то было? Вы с Мирославом гуляли, целовались, объяснялись друг другу в любви. А ночью? Поехали к нему и предались страсти?

– Ну что ты, Танечка, – вздохнула Юлия Николаевна. – Разве я могла?

– А что такого?

– Я, может, и согласилась бы, – смущенно призналась мама. – Но не забывай, что за времена тогда были. Все передвижения за границей – только с группой, под строгим контролем. Повезло еще, что днем мне свободу предоставили. А в девять вечера нужно было – как штык! – в гостиницу возвращаться.

– Фи, – сморщила нос Татьяна.

– Но на следующее утро уже в десять мы встретились. И знаешь... Еще вчера мне казалось: завтра наваждение спадет. Я разочаруюсь в нем. Но едва увидела, как Мирослав идет мне навстречу – спешит, даже споткнулся, в руках букет, лицо сияет, – сразу на душе у меня все расцвело...

– Так что же случилось? Почему вы не поженились, почему мы с тобой не живем в очаровательном домике где-нибудь тут, у подножия гор?

– Ох, Таня... Все эти годы я считала, что Мирослав оказался просто трусом. Как и все они, мужики. А теперь, здесь, поняла: что-то случилось с ним. А я – нет бы на помощь броситься! – даже не выяснила что.

* * *

Давно. Карловы Вары

– Красиво тут. Сколько живу – столько восхищаюсь, – задумчиво произнес Мирослав.

Они с Юлей медленно, вспенивая ногами груды опавших листьев, поднимались в гору. Лес на ее склонах буйствовал изобилием осенних красок, в воздухе дрожали паутинки.

– Сейчас к Русалкиной Хатке выйдем, – возвестил молодой человек.

– Что это?

– Беседка. В ней, говорят, если желание загадать – обязательно исполнится. Причем очень быстро.

– В каждом городе таких мест по пять штук, – улыбнулась Юля. – Особенно в курортном.

– Но только здесь желания действительно сбываются. Проверено.

Мирослав обнял Юлю за плечи, глаза его сияли.

– Какое же у тебя желание? – лукаво улыбнулась она.

– Признаваться нельзя. Сама догадайся!

– Думаю, ты хочешь стать директором вашего, как он... института бальнеологии!

– Ох, Юля! Ты – прелесть. Но не угадала. Желание с тобой связано. Только с тобой.

Девушка грустно произнесла:

– Тогда точно не исполнится. Я думала над твоим предложением... Заманчиво, конечно, но... Слишком все сложно. Разные города, страны...

– Да почему же? Я уже все узнал. Я получу разрешение на выезд из Чехословакии, советскую визу. Приеду к тебе в Москву. Подадим заявление, у вас есть специальный загс, где регистрируют браки иностранцев. Поженимся, приедем сюда, ты подашь на гражданство. Все сложно, муторно – но решаемо. А чтобы ты не передумала... – Он замедлил шаг. Вынул из внутреннего кармана бархатную коробочку: – Вот, держи.

И Юля увидела то самое изумрудное ожерелье из магазина Гануша. Изумленно прошептала:

– Мирослав! Ты с ума сошел!..

– На помолвку, правда, полагается дарить кольцо, – немного рисуясь, произнес молодой человек. – Но тебе вроде понравилась именно эта вещица!

– Оно же бешеных денег стоит!

– Юлечка, Юля! – Он крепко обнял ее, потом подхватил, закружил в объятиях. – Да я тебе весь мир готов отдать! Все, что угодно, для тебя сделать!.. Никогда прежде не верил в сентиментальную болтовню – про любовь навек, про две половинки. А сейчас, с тобой, понял: любовь – бывает! Еще как бывает!

Слова его звучали музыкой. Изумруд ослепительно блистал в лучах осеннего солнца. Любовь в глазах Мирослава светила еще ярче. А на душе было радостно, но одновременно тревожно. Как-то слишком сразу все навалилось. Слишком красиво, нереально. Фантастично.

Но до чего же сладко!.. Во всех смыслах.

Мирослав, пусть и уверял, что у него никакой личной жизни – пропадает в своей клинике сутками, – целоваться умел. Едва касался ее губ своими – Юля сразу таяла. А когда он застегнул на ее шею ожерелье, подправил центральный камень, поцеловал ее (рядом с изумрудом, в ямочку меж ключицами), девушка почувствовала – словно летит куда-то...

– Это был оргазм, – цинично прокомментировала дочь.

– Фу, Таня! – привычно упрекнула Юлия Николаевна. – Какая же ты неромантическая!

И продолжила свой рассказ.

Потом, держась за руки, они поднялись до Русалкиной Хатки. Мирослав извлек перочинный нож. И вырезал высоко под потолком их имена – латиницей: Julia&Miroslav.

– «Здесь был Вася», – хмыкнула Юля. – Мне, честно говоря, не нравится, когда вот так... территорию метят.

– Мне тоже, – легко согласился молодой человек. И серьезно добавил: – Но только у нас с тобой – случай особый. Мы сейчас семейную историю начали формировать!

- Это как?

- Вот вырастут наши дети, приведем их сюда, покажем, где у мамы с папой любовь начиналась!

- Дети?

- Ну конечно же. Дочка у тебя - у нас - уже есть. Но я хочу сына. И еще одного сына. И потом, может быть, опять дочку.

- Ох, Мирослав, когда ты так говоришь, мне просто страшно становится...

- Почему?

- Мы же только день назад познакомились - и уже любовь навек. О детях говорим...

- А мне иначе нельзя, - усмехнулся он. - Профессия такая. Решения приходится мгновенно принимать.

- Ну... решения ведь ошибочными бывают.

- Ты не хочешь, чтобы у нас с тобой были дети? - открыто улыбнулся он.

- Слава, ты - просто чудо! - просияла в ответ она.

- Я полностью с тобой согласен, - хмыкнул он. - Но ты куда чудеснее... Кстати. На завтра я взял day off [9 - Отгул.]. У нас с тобой большая программа. Я у отца машину похищу. Поедем в Мариенбад, или Марианске Лазни, тут недалеко. Интересный городок. Тоже курорт, только в горы и с гор карабкаться не надо. Как Вяземский писал: «Природа не так грандиозна, как в Карлсбаде, но зато более удобна для ежедневного употребления». А еще там, - он мазнул взглядом по ее сиреневому костюму, - магазины хорошие. Приоденем тебя.

- Нет, Мирослав, - запротестовала Юля. - Не надо никаких магазинов. Хватит уже... ожерелья.

Однако сердце радостно трепыхнулось.

А Мирослав притворился, что сердится:

– Ты хочешь со мной поспорить?.. Но не могу же я допустить, чтоб ты возвращалась от нас – из Европы! – вот в этом старушечьем костюме!

Он проводил ее до отеля. Пообещал, что завтра будет ждать в кафе, в двух кварталах от «Империала». (Чтоб случайно не попасться на глаза никому из группы.)

Юля вновь вернулась в номер словно на крыльях. Почти до утра не могла уснуть. То переживала – из-за опрометчивой, ошалелой своей love story. То вспоминала объятия, поцелуи, и по телу бежала дрожь. Или вдруг ужас охватывал: а если Мирослав все-таки познакомился с ней неспроста? Не очень, конечно, верила, когда перед поездкой мозги полоскали, будто иностранцы только и ждут, как бы советского человека завербовать. Да и потом: какой же Мирослав иностранец? По происхождению русский и живет в братской Чехословакии. Однако, если подумать, все равно новый знакомый ее явно соблазняет красивыми словами. Сладкими поцелуями. Дорогушим ожерельем, наконец.

Может, все-таки отказаться от подарка – на всякий случай? Ох, но тогда нужно вообще от всего отказываться.

Вертелась в постели, вставала пить воду, выходила на балкон. Соседка по номеру пару раз просыпалась, ворчала:

– Угомонишься ты, наконец?

– Да, сейчас, извините, – бормотала Юля.

И снова на цыпочках кралась в ванную. Расстраивалась, что после бессонной ночи лицо наверняка будет бледным, а под глазами проступят синяки. Репетировала перед зеркалом «европейскую улыбку» – в магазинах, безусловно, она понадобится. Лихорадочно, сидя на краешке ванны, пыталась изобразить на коротко стриженных ногтях подобие маникюра...

И на свидание явилась – против правил хорошего тона – на десять минут раньше. Почему-то не сомневалась: Слава ее уже ждет. Маленькими глотками пьет кофе, нервно поглядывает на входную дверь.

Однако в кафе возлюбленного не оказалось.

– Чего прекрасной пани угодно? – расплылся в улыбке бармен.

– Кофе... – неуверенно пробормотала Юлия.

Устроилась у стойки на неудобном высоком стуле.

Чашка кофе стоила ровно столько, сколько симпатичнейшая маечка, что она присмотрела для Танюшки.

«Лучше б я вовремя пришла, чтоб Мирослав сам заплатил», – подумала Юля и тут же устыдилась собственной меркантильности.

Взглянула на часы: минута до назначенного времени. Сейчас появится счастливый, с улыбкой во все лицо и, конечно, с букетом...

Хлопнула дверь: нет, не он – двое ухоженных, оживленных старушек.

– Еще кофе? Пиво? Коктейль? – участливо предложил бармен.

В горле пересохло, но ничего заказывать Юля не стала. Мирослав ведь сказал, что будет на машине. Может быть, не завелась? Или по дороге сюда его остановила полиция? Нет, ерунда. Он явно не на чохлых, вечно ломающихся «Жигулях». Да и никакой полиции на улицах городка Юля не встречала.

Она перепутала кафе? Или вообще все напутала, и молодой человек ждет ее в холле отеля? Нет, ерунда. Но... возможно... его вызвали в клинику? Допустим, срочная операция? Или... Или мама у него заболела, Мирослав говорил, та старенькая совсем.

А ведь она ни адреса его не знает, ни телефона. Да и фамилия – хотя Мирослав говорил – из головы вылетела.

– У вас что-то случилось? – не оставлял ее в покое бармен. – Давайте я принесу вам хотя бы воды! Не бойтесь, это бесплатно!..

Но Юлия лишь отрицательно покачала головой. В последний раз взглянула на часы. Мирослав опаздывал уже на сорок минут, и это могло означать лишь одно: он – не придет.

Только и останутся на память об их стремительном романе аккуратно вырезанные буквы под потолком беседки «Русалкина Хатка»: «Julia&Miroslav».

* * *

Наши дни. Карловы Вары

... – Подожди, – перебила мать практичная Татьяна. – Почему только буквы? А ожерелье?.. Где оно? И почему ты мне его никогда не показывала?

Мама с дочерью шли по лесу тем же самым маршрутом, что много лет назад, до Русалкиной Хатки. Сейчас, в феврале, деревья были голые – только зеленые пятна сосен выделялись на черном фоне. Вдалеке, на горе, маячил потемневший от времени остов старинной беседки.

Лицо Юлии Николаевны было строгим, величественным, спокойным. Зато глаза ее дочери азартно блестели. Таня вообще обожала романтические истории – и вдвойне интересней, когда они происходили с ее собственной мамой (которую девушка про себя непочтительно именовала скучной сушеной воблой).

– Так где, мамуль, изумруды? – повторила Садовникова-младшая. – Только не говори мне, что, когда Мирославик твой не пришел, ты в гневе вышвырнула ожерелье в реку Теплу!

– Нет, Танечка, такой глупости я позволить себе не могла, – усмехнулась в ответ маман. – Тем более, если ты помнишь, я была матерью-одиночкой, каждую копейку приходилось считать. Все гораздо проще. И прозаичней. – Она вздохнула. – Я, конечно же, не могла явиться в этом ожерелье в отель. Я путешествовала с группой. Его бы сразу заметили, последовали бы вопросы.

Когда Мирослав тем вечером проводил меня до гостиницы, его подарок я сняла. Но положить его мне оказалось некуда. – Она опустила голову, смущенно произнесла: – Дело в том, что сумочка у меня была – совсем, как теперь говорят, позорная. Углы потертые, молния расходилась. Мне ее на свидание стыдно показалось брать. Вот я и пошла налегке. А когда мы расставались перед отелем, вернула ожерелье Мирославу. Договорились, что он мне завтра его принесет, сумку, чтобы с той, своей, не позориться, я уж на этот раз у соседки по комнате одолжила...

– Ну, ни фиги себе! – разочарованно вымолвила Татьяна. – Значит, хахаль твой мало что на свидание не явился? Еще и ожерелье зажал?!

– Я... я думаю: что-то помешало ему прийти. Что-то очень серьезное, – потупилась Юлия Николаевна.

– Но он же, ты говорила, собирался к тебе в Москву приехать, в загс вести? Значит, адрес твой, телефон – знал?

– Да.

– Однако вестей о себе больше не подавал?

– Нет, Таня, нет! – Юлия Николаевна вдруг разозлилась. Горячо выпалила: – Я вообще иногда думаю: может, и не было всего – Мирослава, его поцелуев, признаний в любви? Мне просто грустно было – одной, в чужой стране, – и я эту историю выдумала?..

– Да ладно тебе, мамуль, ты на сумасшедшую не похожа, – милостиво признала Садовникова.

– Но вообще очень странно. – Голос матери теперь звучал жалобно. – Мирослав... он, правда, в меня был влюблен. По уши. Такое не сыграешь.

– А, мужики еще не так притворяться умеют, – тоном умудренной жизнью женщины произнесла Татьяна. – Чего-то, видно, хотел от тебя твой красавчик. Хотел – да получить не смог.

– Но что я ему дать могла?.. Я ведь и против секса не возражала. – Юлия Николаевна совсем по-девически покраснела. – Мирослав сам... как-то не предлагал.

– Может, действительно тебя завербовать планировали, – хмыкнула Татьяна. – Да потом посоветовались, решили: какой от тебя толк?

– Так это сразу было ясно, что никакого от меня толку, – пожала плечами мать.

– Ну, значит, просто разочаровала ты его, – пригвоздила дочка. – Знаешь, недавно исследование проводили. Задавали мужикам вопрос: почему они после первого свидания не перезванивают? Самый популярный ответ оказался: «Мне с ней было скучно».

– Спасибо тебе, дорогая, – уязвленно проговорила Юлия Николаевна.

– Ладно, мам, не обижайся. – Таня чмокнула ее в щеку.

Они, наконец, взобрались в гору, прошли в Русалкину Хатку. Таня обвела взглядом стены, сплошь покрытые письменами, присвистнула:

– Ничего себе! Сколько народу здесь побывало!

С увлечением начала читать:

– Карел и Соня, шестьдесят третий год. Вильям и Ганна, вообще – тридцать девятый... А ваша писулька где?

– Там, под потолком, – показала Юлия Николаевна.

Таня привстала на цыпочки:

– Где, не вижу?

– У балки посмотри.

– Ничего себе! Твой Мирослав – просто верста коломенская... – Татьяна прищурилась. – Ага, вот. Julia&Miroslav. – Ехидно прибавила: – Вместе навек... А рядом с вами какой-то Гануш подсуетился.

– Гануш?

– Сейчас, подожди, не вижу... Гануш – и... ну, ничего себе!

Девушка изумленно взглянула на Юлию Николаевну.

– Что, что там?

– По-русски написано. Гануш... А второе имя не разберу. Сейчас... Зина, что ли? Нет, не имя. ГАНУШ ЗНАЕТ. Точно. Эй, мам! Мам, ты чего?!

Таня отскочила от стены и еле успела подхватить Юлию Николаевну, схватившуюся за сердце.

* * *

– Таня, да бесполезно туда идти! – вновь повторила Юлия Николаевна. – Сколько лет прошло... А Ганушу уже тогда было, – она задумалась, – сорок пять, не меньше.

– Ну, тут Европа, – отмахнулась Татьяна. – Люди долго живут.

– Магазины того тоже наверняка нет, – продолжала упорствовать мать. – Я города вообще не узнаю, здесь все изменилось... Ту улицу точно не найду.

– Ерунда, мама! – отрезала Татьяна.

– Но даже если встретим Гануша, что я ему скажу? – не сдавалась Юлия Николаевна. – Здравствуйте, я вернулась? Бабушка из нищей России, помогите, чем можете? Все давно минуло, Танечка. Говорить больше не о чем.

– Во-первых, ты еще не бабушка, – возразила дочь. – Помогать тебе тоже, слава богу, не нужно. Красивая, уверенная в себе, обеспеченная женщина.

– Спасибо! – заулыбалась мама.

«До чего ж мало надо, чтоб пенсионерку порадовать!» – промелькнуло у Тани.

И она горячо закончила:

– И вообще: разве тебе не интересно узнать разгадку?!

– Но если Мирослав хотел меня найти... зачем он выбрал столь сомнительный способ дать о себе знать? – задумчиво произнесла Юлия Николаевна.

– Сама ж говорила: он романтик. Решил, как у Пушкина в «Дубровском», сношаться через дупло! – фыркнула дочь.

– Но сейчас ведь не восемнадцатый век! И я далеко не юная девушка...

– Да. Ты зануда, – легко согласилась Татьяна. Закатила глаза: – Неужели не надоели еще сплошные воды, променады, процедуры? Развлечься не хочешь?!

Кажется, заразила, наконец, маму своим энтузиазмом. Та молвила:

– Ну, допустим, почему-то решил Мирослав передать мне привет через Русалкину Хатку. А приписку эту когда он, интересно, сделал?

– Давай следствие проведем. – Таня поднялась на цыпочки, прищурилась, доложила: – Я не эксперт, конечно. Но ощущение, что гораздо позже. «Юля с Мирославом» совсем почернели, почти не видно. А эта запись на вид гораздо свежей. Могу попробовать дату определить.

Прошла вдоль стен беседки, испещренных надписями, присматривалась. Наконец, вынесла вердикт:

– Если учитывать уровень потемнения... гораздо позже, чем была ваша с ним любовь. Лет пятнадцать-двадцать назад.

– Тогда совсем ерунда получается, – твердо молвила мама. – Хочешь сказать, что Мирослав решил со мной объясниться лишь спустя долгие годы? Да еще через продавца в магазине?! А с чего он вообще взял, что я снова окажусь здесь? Зайду в Русалкину Хатку?!

– Он ведь не ошибся – ты здесь оказалась и в беседку зашла, – пожала плечами дочь. – Мирослав твой, видно, психологию знает. Убийцу всегда тянет на место преступления, нормального человека – туда, где он был счастлив. Он просто допустил, что когда-нибудь ты снова приедешь в Карловы Вары. Пойдешь, конечно, в беседку – вздохнуть о давней любви. Увидишь приписку. И решишь узнать: почему он тогда – сто лет назад – на свидание не пришел.

– Но к чему эта романтическая чушь? Почему было просто не позвонить мне? Не написать? – обиженным голосом повторила мама. – Адрес у меня до сих пор тот же самый.

– Фу, маман! – проворчала Татьяна. – Что за пенсионерская черта – бесконечно пережевывать, гадать, предположения строить? Вспоминай лучше, где магазин был. Найдем Гануша – обо всем расспросим. Не найдем – и не надо.

– Ох, не по душе мне все это, – вздохнула мама.

Однако в антикварный магазин свою дочь привела. Причем нашла его довольно уверенно – всего полчаса поплутали.

– Просто глазам своим не верю! – Юлия Николаевна замерла у витрины. – Ничего не изменилось, ничего!..

– Да, самая натуральная лавка старьевщика, – пригвоздила Таня.

Она с презрением рассматривала выставленные за стеклом истертые чашки, потемневшие от времени бокалы. Явно ношенные украшения. Вязаный платок с парой проплешин. Не старины ощущение возникало, а банальной, убогой, неприкрытой старости.

– Как он не разорился до сих пор? – пробормотала Татьяна и решительно распахнула дверь в магазин. Приветственно звякнул колокольчик, пахнуло пылью. А из полумрака им навстречу выступил огромный, бородатый, с глазами навыкате старик. Но пусть внешность удручающая, улыбка оказалась теплой, речи – сладкими:

– Рад вас видеть, пани! Чем могу помочь?

Обратился он к ним – к Таниной радости – на английском (она не то что стеснялась родной страны, но всегда расстраивалась, когда ее национальную принадлежность определяли с первого взгляда).

– У вас есть украшения с бриллиантами? – тоже на языке Шекспира поинтересовалась Садовникова.

Однако мама тут же разрушила легенду о двух богатых англичанках – пробормотала по-русски:

– Гануш! Это вы?..

Старик в недоумении уставился на нее.

А она приблизилась к нему почти вплотную и вдруг выдернула из своего тщательно уложенного пучка шпильки. Волосы рассыпались по плечам, Юлия Николаевна улыбнулась – задорно, молодо.

В лице старика что-то дрогнуло.

– Юля? – неуверенно пробормотал он. – Из... Советского Союза? Из России?

– Да, Гануш.

Таня услышала в мамином тоне неприкрытое кокетство. Юлия Николаевна лукаво улыбнулась пожилому продавцу:

– Вы по-прежнему злитесь, что я лишила вас дома?..

И смутила ведь старика! Гануш смущенно потупил взор, пробормотал:

– Ох, Юля... мне до сих пор стыдно за тот день... за обстоятельства, при которых мы познакомились... я вам тогда столько ерунды наговорил.

– Дело прошлое, – отмахнулась она.

И – почти нежно! – коснулась руки продавца. Выговорила с интимным придыханием:

– А сейчас я действительно очень рада вас видеть!

Продавец, показалось Татьяне, ужасно смутился. Выхватил вдруг тряпку, зачем-то начал протирать прилавок. Все бормотал:

– Поразительно, просто поразительно...

Окинул Юлию Николаевну оценивающим взглядом, галантно изрек:

– Я уже сам древность. Как все вещи здесь, в лавке. А вы не изменились почти.

На Таню – никакого вообще внимания, даже немного обидно (обычно продавцы, тем более пожилые, да за границей, перед нею всегда стелились).

А тут все внимание маме. Извлек откуда-то снизу запыленную бутылку. Бокалы схватил прямо с витрины, налил себе и Юлии Николаевне. Сообщил:

– Это очень старое вино. Тех, давних, времен. Я специально хранил его на счастливый случай. Такой, как ваше возвращение!..

И смотрит на маман – будто на королеву.

Таня хмыкнула. Но встречать в идиллию пожилых голубков не стала. Скромно отошла в сторонку, принялась разглядывать товары (больше похожие на экспонаты в провинциальном музейчике). Однако к разговору прислушивалась. А когда прозвучало имя Мирослав, а мама ахнула – быстренько вернулась к

прилавку.

– Он понимал, что вы считаете его предателем. Очень переживал из-за этого. Оправдываться, считал, подло и бесполезно, – печально, тихо произнес старик. А далее возвысил тон, глаза его ярко блеснули из-под кустистых бровей: – Но он верил, что когда-нибудь вы узнаете правду. И я чрезвычайно рад, что сегодня могу, наконец, вам ее рассказать.

* * *

Давно. Карловы Вары. Мирослав Красс

Мирослав навсегда запомнил тот миг, когда он в последний раз видел Юлию. Как проводил ее до отеля (расстались, в целях конспирации, за два квартала). Поцеловал на прощание, вдохнул аромат ее духов: сладковатый, пряный, совершенно ей не идущий. Долго смотрел вслед: тоненькая, трогательная, в своем лиловом – не по возрасту! – солидном костюме. Хрупкий цветок, чудо! Цокает в своих неудобных туфельках, попойкой вертит – старается явно для него.

Он мало общался с русскими – редкие эмигранты, что осели в Карловых Варах, раздражали его своими бесконечными жалобами и всегда кислыми, недовольными лицами. А организованные группы советских туристов, что появлялись в их городке, интересовали его еще меньше: запыленные, дурно одетые, глаза у всех безумные – особенно когда в магазины попадают.

Иногда, правда, задавался вопросом: сам-то он кто? Русский, чех? Говорить на чешском ему было куда удобнее, чем на языке Достоевского и Тургенева, коллеги на работе тоже безоговорочно считали его своим. Зато мама всегда называла его «очень русским – даже больше, чем ты сам, Мирослав, думаешь».

– Да с чего ты взяла, ма? – удивлялся он.

А та целовала его в макушку, ерошила волосы:

– Ты, Мирослав, ранимый, пылкий. С виду сдержан, как все европейцы, а задень тебя – загораясь, как спичка.

Он всегда считал, что мать ерунду говорит. А сейчас – когда в одну, считай, минуту голову из-за девчонки потерял – начал понимать, что та имела в виду.

Взрослый человек, оперирующий хирург, влюбился с первого взгляда, словно мальчишка!

Провожает Юлию взглядом, будто замороженный...

Лишь когда она скрылась за массивными дверями отеля, перевел взгляд на часы. Дьявол! Начало девятого.

Он опаздывает почти безнадежно. Значит, опять Карл встретит его своей омерзительной ухмылкой. Тоненько, по-бабьи, вздохнет. Произнесет тоном мученика: «Тебе всегда было на меня наплевать».

Раздражало это ужасно. А куда денешься? Родной все-таки брат.

Мама их называла «генетическим недоразумением». Говорила, это впервые в ее медицинской практике, чтобы братья были настолько не похожи. Внешне, характером, манерами. Однажды даже вырвалось у нее (не при Карле, конечно): «Ты мой сын, безоговорочно. А его – будто в роддоме подменили».

Мирослав (они с Карлом были погодки, он – старше) тоже иногда задумывался: как могло так получиться? Воспитывали их с братом одинаково. Одежду, игрушки, путешествия, репетиторов – все делили пополам. Но уже с раннего детства ему самому больше нравилось сидеть с книжкой или отца упросить, чтоб рассказывал интересное. А Карл был готов целыми днями пропадать с мальчишками. Брата дразнил «любимчиком» и «сыночком», гнусно хихикал, когда тот рисовал для мамы красивый цветок или играл в шахматы с отцом. Будто противопоставлял себя семье.

Мирослав уже в двенадцать лет твердо решил: он продолжит семейную традицию, станет врачом. А Карл тогда же заявил: хочу быть рок-музыкантом. Как парни из группы «Битлз».

Хотя петь особо не умел, да и не стремился учиться. Не скрывал, что ему куда больше антураж вокруг рок-музыки нравится: восторженные девчонки, пиво,

проклепанные куртки, бесконечные разговоры и планы, как переустроить мир.

Родители, конечно, пытались как могли – мягко, интеллигентно – направить сына на правильный путь. Пусть медицину он ненавидит, но можно ведь пойти в инженеры, в учителя, в сантехники, наконец.

Карл даже в технологический институт под их нажимом поступил – правда, учился в нем уже десятый год. То академический отпуск, то болезнь (с медицинскими справками ему Мирослав помогал). А время в основном проводил со своими друзьями – не очень даровитыми музыкантами. Сколотили рок-группу, изредка выступали в чахленьких ресторанчиках.

И вот – неслыханная удача! – позвали их принять участие в сборном концерте на стадионе. В Праге. Мирослав, когда узнал, удивился. Рок-музыка в Чехословакии, конечно, не запрещена – слава богу, не Советский Союз, – но подобные мероприятия бывали нечасто. И уж тем более на них не приглашали коллективы уровня «Бешеных жуков» (так, в подражание Битлам, именовала себя группа Карла).

Однако брат пребывал в неслыханном возбуждении и еще пару недель назад взял с Мирослава слово, что он обязательно полетит с ним в столицу. И будет присутствовать на концерте.

У Мирослава пациентов будто назло полно, график операций (ему лишь недавно позволили оперировать самостоятельно) расписан на месяц вперед, но отказать Карлу он не решился. Лишь спросил:

– До Праги сто двадцать километров. Лететь-то зачем?..

– А инструменты, аппаратуру на себе повезем? – Брат насупился, хмуро добавил: – Машину отец мне не даст.

Папа когда-то пытался не разделять сыновей. Позволял кататься на старенькой «Шкоде» обоим. Но пару раз Карл попался за рулем пьяным, однажды налетел на бордюр, расколотил вдребезги бампер. Последней каплей стала жалоба соседской старушки, что брат-де гнал на полной скорости по двору и зацепил ее зеркалом.

– Раз я тоже еду, он даст машину, – пожал плечами Мирослав.

– А моя группа? Пять человек, плюс инструменты. Не поместимся. И вообще: на самолете солидней, – отрезал брат.

Вылетать должны были в одиннадцать вечера. Далее ночевка в Праге, в каком-то сомнительном общежитии. А вечером на следующий день – пресловутый концерт.

– Карл, я не могу тратить целые сутки, – возражал Мирослав. – Концерт, ты говоришь, только в девять вечера? Я к началу подъеду. Обещаю тебе.

А на лице брата сразу привычное обиженное выражение:

– Ну что ты торгуешься со мной все время? На авиабилет денег жалко? Стоит он гроши!

– При чем здесь деньги, я же объясняю: у меня работа! Отгула никто не даст!

«Да и просить ради тебя не хочу!»

– Но ты нам нужен! Иначе мы аппаратуру провезти не сможем. Самолет маленький, по багажу ограничения зверские. Синтезатор потащишь.

Любого другого Мирослав бы просто послал. Работа уже научила его быть, когда нужно, безжалостным, резким. Но Карл – статья особая. Мирослав себя перед ним слегка виноватым чувствовал. Хотя бы за то, что мамыны глаза в его присутствии всегда теплели. А на брата она смотрела холодно, как на чужого.

И еще у Карла была одна постоянная обида: он, англоман, фанат всего западного, истово мечтал побывать за границей. Ливерпуль, Техас, Мексика. Однако сколько ни обращался за выездной клаузулой – пропуском за рубежи социалистической Чехословакии, – всегда получал отказ.

Мирослав же (хотя к путешествиям был равнодушен) успел побывать на медицинских конференциях не только в братской Болгарии, но и в Испании, Греции, Нидерландах.

Рассказывал за семейными ужинами о «капиталистическом рае» максимально сдержанно, однако Карл все равно поедал его завистливым взглядом. А когда Мирослав произнес: «Интересно, конечно, побывать, но жить бы я там не хотел», брат лишь хмыкнул:

– Ты идиот.

Мирослав сделал вид, будто не услышал. Не хватало еще ссориться с убогим (как он – исключительно про себя, конечно! – именовал Карла).

Помочь с концертом тоже не отказал, только переиграл ситуацию немного.

Пока мчался домой (жили, по счастью, от «Империала» недалеко, можно добежать), все продумал: в Прагу с синтезатором придется лететь, раз обещал. Но дальше – никаких общежитий, сразу домой. На обратном рейсе, на ночном автобусе, поезде – как угодно. Ведь завтра они встречаются с Юлей! Молодой человек рассчитал, что к утру он в любом случае успеет вернуться домой. Сможет свозить девушку, как обещал, на отцовской машине в Мариенбад. Потом доставить в отель и рвануть, опять-таки на машине, в Прагу. А если он даже на злосчастный сборный концерт слегка опоздает – брат переживет.

...Мирослав оказался дома в девять вечера.

– Где тебя носит? – напустился на него с порога Карл.

Глаза у него тревожно блестели, щеки румянились. Пальцами постоянно щелкал, тербил длинные, давно не мытые (как положено рок-музыканту!) волосы. Мирославу даже показалось: он пьяный. Но спиртным от брата не пахло. У соратников его (троих столь же волосатых парней) тоже ни следа пьяной веселости. Скорее они мрачные, сосредоточенные. Волнуются, что ли, перед своим эпохальным концертом?

Мирослав «Бешеных жуков» даже по именам путал. Но знал, что горемузыкантов в группе, вместе с братом, пятеро. Отсутствовал (он напряг память), кажется, бас-гитарист.

– А где хозяин? – Мирек кивнул на бас-гитару в чехле.

– Завтра подъедет. Прямо в Прагу, – буркнул брат.

Выразительно постучал по циферблату часов, скомандовал своим высоким (совсем не для рока!) голосом:

– Опаздываем! Выходим, быстро!

«Хорошо бы мы сейчас такси не нашли. Тем более целых два надо», – мелькнула у Мирослава малодушная мысль.

Однако брат проявил совсем не свойственную ему предусмотрительность: машины уже стояли у подъезда.

– По телефону вызвал, – объяснил он.

В аэропорт добрались за пятнадцать минут, посадка в самолет уже началась. Стороживший вход полицейский увидел их компанию, нахмурился, перекрыл дорогу:

– Куда направляемся?

– В Прагу, вот билеты! – лучезарно улыбнулся в ответ Карл.

– Кто такие? – Служивый продолжал буравить их взглядом.

– Не видно, что ли?.. – Один из компании выразительно потряс футляром с гитарой.

– Открой, – приказал полицейский.

Мирослав встревожился. Брат постоянно декларировал, что живут они в цивилизованной стране. Потому нельзя позволять блюстителям закона обращаться с ними, как с рабами. (За что регулярно получал штрафы, а порой – дубинкой по ребрам.)

Но сегодня, к счастью, Карл настроен был мирно. Рывкнул соратнику: «Не выделывайся!» Услужливо распахнул перед офицером футляр:

– Пожалуйста!

Тот взглянул на инструмент, зачем-то постучал по деке костяшками пальцев. Неохотно посторонился:

– Проходите.

Далее последовала еще одна небольшая перебранка: девушка, регистрировавшая билеты, требовала сдать аппаратуру в багаж, Карл с товарищами яростно возражали. Брат тыкал в лицо регистраторше распечатанными на машинке листками правил, что музыкальные инструменты позволено провозить в ручной клади.

В итоге девушка сдалась.

Металлоискателя в крошечном карловарском аэропорту не оказалось – музыкантов лишь попросили вывернуть карманы да мельком заглянули в чехлы с инструментами.

– Ура, летим! – радостно выкликнул соло-гитарист, когда они уселись, наконец, в самолет.

«Чтоб вам пропасть!» – раздраженно подумал Мирослав. Он что им – грузчик, инструменты таскать? Ну, не укладываетесь в лимит по провозу багажа – так привлеките кого-нибудь из своей компании, такого же волосатого бездельника. А он себя в их обществе чувствовал совершенным чужаком. И стариком вдобавок. Когда перехватывал недовольные взгляды других пассажиров, хотелось оправдываться: «Я не с ними! Я – нормальный!»

Музыканты мало что ржали на весь салон, еще появилась откуда-то изрядных размеров фляжка, пошла по рукам. Сделали по паре глотков вдруг завыли из Битлов, истошно и некрасиво:

– Help! I need somebody help!

- Вам правда помочь надо: мозги полечить, - буркнул кто-то из пассажиров.

- Пасть захлопни! - рявкнул на него Карл.

Сейчас, когда благополучно оказались в самолете, напускная вежливость с него мигом слетела.

«Чего я всегда иду за ним, как овца на заклание?» - в который уже раз укорил себя Мирослав. Знал, конечно, за собой, что человек он мягкий. Слишком даже мягкий для хирурга. Часто на поводу шел, неразумные поступки совершал - лишь бы человека порадовать. Вот, к примеру, девчонке из Союза, Юлечке, ожерелье купил. Девушка просто расплылась, расцвела, растаяла. До конца жизни его щедрость запомнит, будет внукам рассказывать и гордо драгоценность им демонстрировать.

А Карлу, сколько добра ни делай, он это воспринимает как должное. Хватит уже. Надоело.

«Не поеду я завтра снова в Прагу, на дурацкий его концерт, - решил Мирослав. - Лучше уж Юлечку уговорю режим нарушить. Карла не будет, родители тоже в отъезде... Надо вина купить. Хорошего. Оплаток[10 - Оплатки - традиционные карловарские вафли.]... Нет, лучше сырку, колбаски - она с таким восторгом рассказывала, что им в отеле на завтрак настоящую салями подают. В Союзе, видать, с продуктами совсем худо».

Старенький самолет неохотно и не спеша, словно все повидавший в жизни дед, пополз в направлении взлетки.

- Время в пути - сорок пять минут, - сообщила стюардесса. - Пожалуйста, пристегните ремни.

- Ну, ребята, теперь самое важное, - тихо произнес Карл.

О чем он? Мирослав покосился на рок-музыкантов. Фляжка уже исчезла, они сидят в своих креслах сосредоточенные, серьезные...

А едва борт набрал высоту – «жуки», словно по команде, вскочили со своих кресел.

– В туалет, пожалуйста, по одному, – тут же подскочила к ним стюардесса.

Карл молча, досадливо, словно муху, отодвинул ее плечом, девушка едва не упала.

– Эй, парень, полегче! – Мужчина, сидевший в соседнем ряду, угрожающе приподнялся в кресле.

И тут же умолк. Потому что в руках у Карла и еще одного музыканта (Мирослав никак не мог усвоить его имени) тускло блеснули стволы пистолетов.

– Всем тихо! – истерически на весь салон выкрикнул брат.

А его приспешник резким движением подтянул к себе стюардессу, приставил к ее щеке оружие, прокричал:

– Ее пристрелю, всех, если рыпнетесь! Всем конец!..

– Карл... – в ужасе выдохнул Мирослав.

– И тебя тоже грохнем, ублюдок! – В глазах брата светилась искренняя радость, зрачки совсем превратились в щелочки.

«Да он под кайфом! Карл – наркоман! Как я раньше не догадался?» – мелькнула запоздалая мысль.

– Что, докторенок, в штаны наложил? – улыбнулся ему брат. – Не бойся. Я все за тебя сделаю.

Его дружок хохотнул.

Оба, волоча за собой стюардессу, двинулись к кабине пилотов.

Мирослав вцепился в подлокотники кресла. Вот это он влип! А брат каков! Карл, конечно, пакостник, в том он давно не сомневался. Но гадости его, считал Мирослав, детские. Хвастался он недавно, что полицейскому в ресторане в пиво плюнули, когда тот в туалет отошел. Но угнать самолет?

«Лет десять дадут, – в ужасе подумал молодой врач. – И мне тоже. Как соучастнику».

Чехол с синтезатором (ручная кладь, что была зарегистрирована на него) стоял под креслом Карла. И оружие брат достал, кажется, из него...

Надо остановить их! Но как? Брат, соло-гитарист и хрипящая стюардесса – уже у пилотской кабины. Их прикрывают остальные двое музыкантов. Оба тоже вооружены: у одного пистолет, у второго – нож.

Ворвались в кокпит. Отголоски напряженного, на повышенных тонах разговора. Стюардесса плачет. Пассажиры застыли в оцепенении. Лишь мужик из соседнего ряда – тот, что пытался сделать Карлу замечание, – не утратил хладнокровия. Перехватил взгляд Мирослава, прошептал одними губами:

– Ты – того, кто с ножом. Я – второго.

– Выстрелит! – также еле слышно откликнулся молодой врач.

– Не остановим – самолет взорвут. Все подохнем.

– Эй, там, молчать! – выкрикнул один из музыкантов.

В голосе его, показалось Мирославу, особой уверенности не было. И он решился. Коротко кивнул своему неожиданному сообщнику, вскочил, бросился на волосатого террориста... В драках никогда силен не был (не его профиль), но сегодня все получилось: сбить с ног, вывернуть руку. А едва парень потерял равновесие, еще двое пассажиров подскочили, помогли. Второй музыкант – тот, что с пистолетом, – тоже оказался разоружен. Мирослав же вместе со своим внезапно обретенным соратником бросились к кабине пилотов.

Однако здесь все пошло куда хуже.

– Мирка! Стой, дурак! – истошно выкрикнул из кокпита Карл.

А соло-гитарист с размаху ударил стюардессу рукояткой пистолета по лицу, завопил:

– Я сейчас убью ее!!

Пассажир-сообщник смело (или просто безрассудно) налетел на музыканта, попытался вырвать из рук оружие...

В тот момент и прогремел выстрел. В замкнутом пространстве прозвучал он совершенно оглушительно, салон мгновенно наполнился дымом, запахом гари.

– Пожар! – всхлипнул из пассажирских рядов женский голос.

Мирослав почувствовал, как сердце его наполняется ледяным ужасом.

Однако стюардесса оказалась жива – даже, кажется, почти невредима, она в панике пыталась отползти в сторону. Зато в кабине пилотов – дверь в нее оказалась распахнута – все было обагрено кровью. Из пистолета Карла вырывался дымок. Один из летчиков лежал, уткнувшись лицом в панель приборов, а циферблаты неумолимо и быстро заливало красным. Потом вдруг – искры, резкий запах паленого...

– Что это? – севшим голосом вымолвил соло-гитарист.

– На...навигационную систему замкнуло, – столь же хрипло вымолвил оставшийся в живых пилот.

Мирослав не удержался – застонал. От отчаяния. Брат же (только что совершивший убийство) улыбнулся еще беспечней, чем прежде. Подмигнул Мирославу, произнес:

– Все, чистюля, отступить теперь некуда!

И перевел оружие на второго пилота:

- Или мы летим в ФРГ. Или ты, она, – кивок на стюардессу, – все – трупы.

Небрежно, будто куль, вытолкнул мертвого пилота из-за штурвала – тело глухо стукнуло о пол – и услужливо предложил второму летчику:

- Прошу!

И швырнул на приборную доску бумажку:

- Держи курс на Вайден, вот координаты. Финтить не пытайся – компас у меня есть.

- Н-навигационная система не работает, – упорствовал пилот.

- Ты, придурок! – возвысил голос Карл. – Тебе что, жизнь надоела?!

Он несильно ударил летчика под подбородок. Тот от удара дернулся, съежился в своем кресле. Брат же продолжал напирать:

- Да мне плевать! Плевать на вас всех! Разобьемся – хрен с ним! Лучше так, чем жить, как мы, в дерьме!

Размахнулся для новой оплеухи.

«А ведь мы действительно разобьемся, – пронеслось в голове у Мирослава. – Зря летчик спорит».

И он спокойно произнес:

- Ладно, Карл, успокойся.

Перевел взгляд на пилота, с угрозой в голосе добавил:

- Делай, что он говорит.

Тот со страхом взглянул на аккуратно подстриженного, хорошо одетого парня. Безропотно взялся за штурвал.

С прежней жизнью было покончено безвозвратно.

Мирослав на секунду прикрыл глаза, воспроизвел в памяти милое Юлечкино лицо и тоскливо подумал: больше он ее никогда не увидит.

* * *

Наши дни. Карловы Вары

Старое вино давно закончилось, пустые бокалы стояли на прилавке. Гануш устало откинулся в антикварном (или, точнее, просто старом) кресле. Юлия Николаевна, наоборот, сидела на самом краешке козетки, вытянувшись в струнку, будто готова была сорваться, убежать... Судя по мечтательному просветленному лицу – убежать за своим возлюбленным.

– Ну, а чем все закончилось? – нетерпеливо спросила она. – Самолет действительно сел в Германии?

– Да, – кивнул Гануш. – В ФРГ. На спортивном аэродроме в Вайдене. И западногерманское правительство отказало выдать ЧССР преступников. Карла, правда, осудили за убийство пилота. Но дали всего пять лет, а выпустили по амнистии через два. Остальным повезло еще больше. – В его голосе прозвучали нотки зависти. – В тюрьме они были совсем недолго. А дальше всем, в том числе Мирославу, предоставили политическое убежище. Взамен попросили единственное: выступить на пресс-конференции, расписать ужасы социализма. Небольшая плата за право жить в свободной стране!

– Просто чудеса... – пробормотала Юлия Николаевна.

– Мирослав, конечно, переживал, – пожал плечами Гануш. – Скучал по дому, по родителям. По вам, – галантный поклон в сторону Юлии. – Но, впрочем, быстро утешился – в работе, исключительно в ней. Смог подтвердить медицинский диплом. Оперировал. Процветал настолько, что ходили даже разговоры – здесь, в Карловых Варах, – будто угон самолета организовали спецслужбы из ФРГ.

- Зачем? - удивилась Татьяна.

- Чтобы получить в свое распоряжение талантливых специалистов. Того же Мирослава. Вообще выяснилась интересная вещь: среди пассажиров того самолета оказалось много известных людей. Математик. Биолог. Несколько видных инженеров. Все они в свое время обращались за разрешением на выезд, но получали от чехословацкого правительства отказ.

- Да ну, ерунда, - хмыкнула Садовникова-младшая.

- Не ерунда. Обычная практика. В 1951 году - по заказу немецких спецслужб! - целый поезд угнали. Он следовал из Праги в Аш, это на самой границе с Германией. За пятнадцать минут до прибытия в тепловоз ворвались трое. Наставили на машиниста с помощником оружие и велели: скорость в Аше не снижать, проскочить вокзал и мчаться дальше, в ФРГ. Обычно составы, шедшие в Аш, направляли в тупик. Однако здесь все было рассчитано идеально: незадолго до инцидента в ФРГ проследовал поезд с углем, перевести стрелки обратно еще не успели, и состав благополучно пересек границу. Пограничники не смогли воспрепятствовать - были настолько ошарашены, что стрелять начали только вслед... Половина пассажиров была предупреждена и специально покупала на него билеты. Остальные пятьдесят семь человек оказались в нем случайно. Обратно в Чехословакию, кстати, вернулись только десять.

- Я примерно в те годы читала, как один чешский парень, кажется, из Праги, пытался угнать самолет, - вспомнила Юлия Николаевна. - Но там все закончилось очень плохо...

- Да, Петр Гавелка, - кивнул Гануш. - Шофер грузовика. Примерно полгода спустя - а вдохновил его как раз пример Карла со товарищи. В сообщники тоже взял брата, двоих друзей. Но они вылетали из Праги, а там тогда уже стоял металлоискатель. Он среагировал на оружие, Гавелку задержали. Его друзья смогли улететь, но невооруженными, да еще без главаря, захватывать самолет не решились. Всех четверых судили, Гавелке дали девять лет.

По скучающему лицу Юлии Николаевны было видно: ей эти подробности не интересны.

- Ну, а где же Мирослав сейчас? - выпалила она. - Вы знаете?..

- Да, конечно, - улыбнулся Гануш. - Он практиковал в Турции, потом переехал в Канаду, нынче живет в Испании. Сейчас, насколько я знаю, оперировать перестал, но продолжает активно консультировать. Ездит по всему миру.

- Он... женат? - Голос Юлии слегка дрогнул, Таня взглянула на мать с усмешкой.

Гануш смутился:

- Я... я, честно говоря, не очень в курсе. Кажется, был женат, но сейчас разведен. Уже давно.

- Понятно, - вздохнула Юлия Николаевна.

Татьяна же небрежно поинтересовалась:

- А почему он все-таки в этот магазин нас позвал?

- Что вы имеете в виду? - растерялся продавец.

- Почему в Русалкиной Хатке было написано явно для мамы: «Гануш знает»?

- Да?.. - изобразил удивление старик.

- Мирослав приезжал в Карловы Вары? Когда?

- Еще в 1990 году. Сразу, как Вацлав Гавел объявил амнистию.

- Да, Танюшка, ты так и сказала, - обрадовалась мама, - что приписка в беседке сделана лет двадцать назад!

Однако глаза продавца - заметила девушка - забегали.

- Странно. Очень странно, - задумчиво произнесла Татьяна. - Допустим. В 1990 году Мирослав получил амнистию, смог вернуться в Карловы Вары, погулял по

городу, вспомнил свою давнюю любовь... Но зачем в беседке-то послание оставлять? – Она обернулась к матери: – Не проще ли было к тебе в Москву явиться?..

– Я... я в девяностом году замужем была, – смущенно напомнила Юлия Николаевна. – Может, Мирослав узнал об этом? И не захотел портить мне жизнь?

Татьяна презрительно дернула плечом:

– Мог бы и раньше, до замужества твоего, из ФРГ или из Турции написать. Объяснить хотя бы, почему на свидание не пришел. И вообще исчез.

– Он писал, – тихо произнес Гануш. – Мирослав говорил мне. Через несколько дней после того, как оказался в Германии, и потом много раз. Письма, видно, не доходили.

– Жалкая отмазка! – отмахнулась Садовникова-дочь.

– Ты, Таня, не знаешь, что тогда были за времена, – вступилась за возлюбленного мать. – Я переписывалась с коллегой из Болгарии – и то послания всегда вскрытыми приходили. А тут – из ФРГ!.. Да еще от террориста!

– В общем, Юлечка, я вам все рассказал, а дальше поступайте, как считаете нужным, – подытожил старик. – Нынешний адрес Мирослава я вам дам, хотите – позвоните ему или напишите. Нет – воля ваша.

Продавец тяжело поднялся из кресла. В магазин как раз заглянул луч прощального закатного солнца, безжалостно высветил глубокие морщины у его рта, впалые щеки, усталые, выцветшие глаза.

«Мирослав, наверно, такой же дедок», – презрительно подумала Таня.

А Гануш торжественным тоном произнес:

– Мирослав – когда мы тогда, в девяностом, увиделись – мне сказал: «Я виноват перед Юлей, и ее право вычеркнуть меня из своей жизни. Но есть одна вещь...»

Продавец вдруг умолк, тяжело волоча ноги, двинулся в глубь магазина. Явился быстро – с черной бархатной коробочкой в руках.

– Не может быть! – ахнула Юлия Николаевна.

– Вы догадались, – тепло улыбнулся Гануш.

И уже через пару секунд на ее шее сияло ожерелье – с крупным изумрудом по центру, обрамленным золотыми подвесками.

– А у тебя, мамми, неплохой вкус! – оценила Татьяна.

Продавец взглянул в счастливое лицо Юлии Николаевны, улыбнулся:

– Мирослав очень переживал, что вы тогда не взяли ожерелье с собой.

– Я ведь не сомневалась, что встречу его уже завтра, – вздохнула она.

– Как бы то ни было, ваша вещь наконец вернулась к вам, – торжественно объявил старик.

Таня с сомнением спросила:

– Это ж сколько лет вы его хранили? С девяностого года?!

– Ну... да, – вновь смутился старик.

Впрочем, он быстро взял себя в руки и заговорил куда увереннее:

– Да. Когда Мирослав в Карловы Вары вернулся, сразу ко мне зашел. Ну, и рассказал в том числе, что у вас, оказывается, роман был... И ожерелье отдал. Я ему, кстати, сам говорил тогда: зачем? Встреться с ней сам, теперь ведь границы открыты. Но он же... романтик, фаталист! Нет, отвечает, пусть у тебя лежит. Прочитает Юля послание мое, придет сюда – вернешь вещицу ей. А если нет – значит, не судьба.

– Вы честный человек, – растроганно произнесла Юлия Николаевна.

– Зато и я заслужил счастье видеть, как сияет изумруд на вашей прелестной шейке, – патетически молвил старик.

* * *

Наши дни. Альмуньекар, Испания. Мирослав Красс

Мирослав Красс подошел к огромному, во всю стену, окну. Тоскливое море, пустынная набережная. С октября по апрель делать в городке нечего. Летом здесь гремели дискотеки, ревел скутерами молодняк, изо всех окрестных кафешек вились дымки: жарились на гриле сардины, скворчали на углях гамбас – огромные креветки, местное пиво «Alhambra» лилось рекой. Кажется, вся молодежь из Гранады, Севильи, Малаги устремлялась сюда, в Альмуньекар. Набережная пестрела красками, хохотала, танцевала в бешеном ритме.

Но едва наступал сентябрь, солнце умеряло свой пыл, в университетах начинались занятия, молодость покидала городок. На променаде у моря вне сезона гуляли лишь редкие местные – в основном пожилые. Вместо девчонок в крошечных шортиках – древние бабуси, вместо громогласных парней – холеные старички. На тренажерах – их по указу мэра разместили на всех пляжах – больше не валяли дурака, не целовались. Пожилые господа использовали спортивное оборудование исключительно по прямому назначению – качали пресс вкупе с тощими бедрами. А владельцы редких открытых кафе немедленно меняли высокомерно-презрительное выражение лиц на искреннюю заботу о каждом (на вес золота теперь!) клиенте.

Но странное дело: Мирослав по возрасту был куда ближе к чинным альмуньекарским жителям. Вроде бы надо радоваться, что в городке тишина, можно наслаждаться спокойными прогулками и пустыми пляжами. Однако каждый раз, когда курортный сезон здесь умирал, он впадал в тоску. Иногда даже бросался в «погоню за толпой» – ехал в Гранаду, в Барселону или дальше, в вечно суетливый и шумный Лондон. Не готов он был к старости, не нуждался пока в умиротворении. И квартиру здесь купил вовсе не для того, чтобы провести преклонные годы на покое. Просто городок был мал, не слишком раскручен, потому недвижимость тут стоила дешево. В любимом английском Брайтоне он мог бы позволить себе лишь студию на окраине, безо всякого,

естественно, «view»[11 - Здесь: вид на море.], тут купил симпатичную двухспальную квартиру на первой линии, с балконом, со сплошь стеклянной стеной.

Бедняком (или даже малообеспеченным) его назвать никак было нельзя – скорее, средний класс. Иные радовались бы стабильному, как у него, материальному положению.

Но не таков был Мирослав. Он-то по происхождению русский: гуляй-душа. А к старости, что удивительно, черты бесшабашности стали проступать особенно ярко. Чрезвычайно, как говорит теперь молодежь, его напрягала необходимость планировать по-европейски вьедливо расходы.

Впрочем, если Юлия ему позвонит – вся жизнь изменится.

Ее фотографии Мирославу присылали каждый день. С очередной их порцией он и сидел сейчас на балконе. Потягивал рюху со льдом, бросал в рот кубики сыра, без интереса поглядывал на пустынное море – парочка рыбацких шхун да одинокий купальщик-морж за общество, конечно, не считались.

Карточки рассматривал куда более жадно. Вот Юля в холле гостиницы. В магазинчике, вышла из примерочной – показывает дочке платье. В парке – улыбается осеннему солнцу. В ресторане – смело взрезает вилкой-ножом огромную отбивную.

Изменилась, конечно. Дело даже не в возрасте, не в оплывшей фигуре, не в морщинах – в глазах. Когда-то они были огромные, доверчивые, предвкушающие. А сейчас смотрят устало, грустно. И ничего с этим уже не поделаешь. Даже если филигранно убрать носогубные складки вместе с «гусиными лапками», моложе ее лицо не станет. Женщины ошибаются, когда думают, будто время ставит свою печать – морщинками, пигментными пятнами. Возраст не они выдают – взгляд. Много повидавший, мудрый...

Мирослав рассматривал Юлю издали, вблизи. Обращал внимание на все: как одета, что за обувь, ухоженны ли руки. В сравнении с другими российскими женщинами выглядела она совсем неплохо: наряды явно не с рынка, туфельки пусть не модельные, но кожаные, хорошего качества. Однако лоска – присущего даже среднеобеспеченным европейским дамам – в ней, конечно, не доставало.

Маникюр – самодельный. Волосы и вовсе удручали: обесцвеченные, с «химией».

Девушка, что сопровождала Юлию Николаевну (он уже знал – дочка), смотрелась импозантнее. С виду скромная, в джинсиках-кардиганчике, однако на ней сидела одежда как будто влитая, а всякие мелочи – вроде шейного платочка от «Прады» или стильных золотых часиков – неумолимо свидетельствовали: у красотки есть и вкус, и возможность приобретать наряды в дорогих магазинах. Выражение лица тоже кардинально отличалось от мамино. Юлия Николаевна – как большинство русских, оказавшихся за границей, – на фотографиях выглядела чуть испуганной, напряженной. Юница, напротив, расслабленной, даже нагловатой. Совершенно точно языки иностранные знает, в Европах бывать привыкла, потому не теряется. Даже мысль мелькнула: «Не возникло бы у меня с ней проблем!»

Юлю, конечно, жизнь умудрила, однако все равно она выглядела очевидной, ясной. А дочка ее – ох, непроста!..

Мирослав отпил еще глоток вина, взглянул на часы. Восемь вечера. В Чехии сейчас столько же. В лавку его старого приятеля Гануша Юля, он знал, впервые вошла три часа назад. Неужели до сих пор общаются?! Или давно поговорили, возлюбленная его бывшая получила свое ожерелье, из магазина ушла – и все?.. А что, вероятность такого развития событий совсем не исключена. Она удовлетворила свое любопытство, получила подарок, предалась сладким воспоминаниям – да и вычеркнула его из жизни. На сей раз – окончательно.

«Нет. Ни одна женщина не удержится: повидать, коли вдруг выпадает возможность, свою давнюю любовь», – попытался успокоить он себя. Допил вино, перевел взгляд со скучного моря на набережную. О, здесь целая драма: такса соседки снизу облаивала ретривера из дома на второй линии, хозяйка (естественно, оба старички) тщетно пытались ссору пресечь. Смешные, мелкие, провинциальные отношения и заботы. Нет, он себя совсем не чувствовал частью умиротворенной местной жизни.

Не позвонит Юлька, придется самому. Хотя лучше – куда лучше! – чтобы она первой проявила инициативу. Дернуть, что ли, Гануша? Нет, не стоит слишком уж демонстрировать заинтересованность. Надо дать ей время все обдумать, переварить.

Антонио, повар из ресторана напротив, разжигал гриль – в Альмуньекаре угли традиционно держали в лодках, стилизованных под настоящие. Скоро весна, рыба божественная... Выйти, что ли, на ужин?

И в этот момент раздался телефонный звонок.

– О!а? – поспешно откликнулся Мирослав.

– Привет, – откликнулся неуверенный женский голос.

Красс самодовольно улыбнулся.

Это была она.

* * *

Наши дни. Карловы Вары. Таня

Оксигенотерапия – смешнейшее действо. Народ сидит в шезлонгах, в нос вставлены трубочки, по ним подается кислород. Улучшает, как написано в рекламе процедуры, мозговое кровообращение. Полезно, приятно, необременительно. Но Таню не покидало ощущение напрасно потерянного времени. Просто не верилось, что она – боевая, всегда занятая любительница приключений – восседает в кресле с трубочкой в носу. Принимает жемчужные ванны, ходит в соляную пещеру и посещает водолечение по Кнайпу. А попутно обсуждает с прочими (исключительно пожилыми!) посетителями СПА-центра истончение озонового слоя и нестабильность евро.

Вот она попала! Ехала сюда маму оздоровить и развлечь, а обернулось это тем, что лечиться приходится самой. Мамуля же всю наслаждается курортным романом.

Загадочный хирург Мирослав Красс явился в Карловы Вары – стоило мамочке только свистнуть. Оказался он весьма импозантным, высоким, с благородной сединой мужчиной. Одевался с шиком, говорил по-русски с приятным акцентом. Немедленно потащил мать и дочь отмечать встречу – ресторан, оценила Татьяна, выбрал хороший. Заказывать им велел «все, что душа попросит». Когда

явилась в зал торговка цветами, выбрал два самых лучших букета. И вообще всячески старался впечатлить, поразить. К официанту обратился на чешском, сказал пару не понятных женщинам фраз – тот сразу засуетился, забежал. После ужина заказал не просто такси – лимузин. На Юлию Николаевну бросал такие взгляды, что та смущалась, краснела, словно девчонка. С Татьяной был просто галантен.

О себе рассказывал скупой: работу оставил десять лет назад, но изредка продолжает консультировать. Был женат, давно развелся. Детей нет. Жизнь – скучная, пенсионерская: «Путешествую, читаю, ленюсь...»

«А нашим старикам приходится картошку растить, чтоб с голоду не окочуриться», – мелькнула мысль у Татьяны.

Мамин кадр, Таня сама не понимала почему, ее раздражал. Слишком он – как бы лучше сказать? – напоказ себя вел. Наподобие героя из любовного романчика Сандры Браун. Мамуля, конечно, на седьмом небе от счастья: руки ей целуют, дверь перед ней открывают, по счету в ресторане платят. А у Тани, хочешь не хочешь, все время возникает вопрос: «Где ж ты раньше-то был?..»

Маман в разводе уже больше десяти лет. Наверняка бы не отказалась вместе со своим возлюбленным жить в Европе, «путешествовать и читать». Однако Мирославу зачем-то понадобилось ждать, пока Юлия Николаевна явится в Карловы Вары (а если бы она вообще сюда никогда не приехала?), устанавливать с ней связь через посредника – продавца Гануша. Важно, что ли, для него было, чтоб она непременно позвонила первой?.. Если так – значит, старичок вообще ведет себя как ребенок.

– ...Как он тебе? – с придыханием молвила мама, когда Мирослав после первого совместного ужина проводил их в отель и деликатно откланялся.

– Мутный какой-то, – пожала плечами Таня.

– Почему?! – опешила мать.

– Слишком старается очаровать. Тебя. И меня заодно. Омары, цветочки, лимузин. Перебор.

– Но, Таня! Что здесь плохого? – возмутилась Юлия Николаевна. – Мирослав просто хорошо воспитанный человек. А что ухаживает красиво – почему бы нет? Раз он может это себе позволить?

– Все равно, мамуль. Я бы на твоём месте очень осторожной была.

– Господи, Таня! Да чего мне бояться-то?! Что Мирослав – маньяк? Смешно. Что он на моё состояние лапу наложит? На огромную мою, – она саркастически улыбнулась, – однокомнатную квартиру на Рязанском проспекте?!

– Ох, мам. Вообще я тебя не узнаю, – покачала головой Садовникова. – Ты всегда такая сдержанная, разумная... А сейчас – будто девочка-подросток.

– Конечно, ты бы предпочла, чтоб я всю жизнь вокруг тебя крутилась. Блинчики жарила да твои проблемы решала, – обиженно произнесла маман.

– Да о чём ты говоришь? – усмехнулась Таня. – Мне даже лучше, когда ты своими делами занята, в мои – не лезешь. Просто, когда человек резко меняет свои привычки, как ты, прости, на старости лет, это может плохо кончиться.

– Доченька, а ты никогда не думала, что мне давно пора изменить свои привычки?! Что твоей маме тоже хочется дышать полной грудью, по-настоящему жить, а не существовать?! Любить и быть любимой! – Лицо Юлии Николаевны расплылось в улыбке. Она тихо добавила: – Я ведь Мирослава никогда не забывала. Хотя было у нас с ним, как в песне: «Три счастливых дня». Платье себе в Москве покупаю и думаю: «Понравится ли ему?» В театре, когда спектакль впечатляет, спрашиваю себя: «А что бы он сказал?»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Я (англ.).

2

Домашняя колбаса.

3

Быстрее, дорогуща, мы опаздываем!

4

См. об этом в романе А. и С. Литвиновых «Отпуск на тот свет».

5

Популярный в советское время антибиотик, продававшийся без рецепта.

6

Ныне отелю возвращено его историческое название – «PUPP».

7

Горячее красное вино.

8

См. об этом в романе А. и С. Литвиновых «Все девушки любят бриллианты».

9

Отгул.

10

Оплатки – традиционные карловарские вафли.

11

Здесь: вид на море.

Купити: https://tellnovel.com/litvinovy_anna-i-sergey/tri-poslednih-dnya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)